

А. А. ФУРСЕНКО

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

Конец XIX в. был для Соединенных Штатов Америки периодом бурного экономического роста и интенсивного формирования монополий, временем еще невиданного до сих пор усиления внешнеполитической экспансии. Соединенные Штаты вступали в новую стадию развития капитализма и связанный с этим новый этап политики на международной арене. Этап этот характеризовался активными поисками рынков сбыта товаров, первыми шагами, а иногда только попытками вывоза капитала и первыми территориальными захватами, в результате которых США превратились в колониальную державу. Одним из важнейших объектов американской экспансии в этот период стал Дальний Восток. Интерес к этому району земного шара вызван был прежде всего огромными потенциальными возможностями Китая, а также расчетами на эксплуатацию рынка Сибири и дальневосточных владений России. Внимание американских деловых кругов, а затем и правящих сфер к России в это время усилилось в связи с предпринятой в 1891 г. постройкой Сибирской ж. д.

Официоз правительства США — газета «Вашингтон пост» («Washington Post») не скрывала в то время своих опасений по поводу того, что с завершением строительства дорога отвлечет «значительную часть китайской торговли с Европой от ее нынешних путей через Суэцкий канал и через Ванкувер по американскому континенту к новому и значительно более прямому и дешевому пути сообщения».¹ Тезис о возможности опасных для американского капитала последствий сооружения Сибирской дороги настойчиво пропагандировался прессой, предлагался вни-

¹ Цит. по депеше Кантакузина — Гирсу 18/30 декабря 1893 г.: АВПР, Канцелярия МИД, 1894, д. 102, л. 4.

манию американцев в ежегодных публикациях конгресса, содержащих донесения дипломатов и коммерческих агентов США за границей. Но в то же время представители делового мира прекрасно оценивали и те возможные выгоды, которые американский капитал мог извлечь из сооружения этой дороги, соединявшей Европу с Тихоокеанским побережьем и открывавшей для эксплуатации новые колоссальные рынки. В связи с этим деловые круги США уже с самого начала стали пытаться принять участие в строительстве и эксплуатации Сибирской магистрали. Попытки эти, неоднократно предпринимавшиеся на протяжении первой половины 90-х годов, не принесли успеха.²

С середины 90-х годов в связи с обострением дальневосточной проблемы, вызванным японо-китайской войной 1894—1895 гг. и последующим усилением борьбы за раздел Китая между империалистическими державами, интерес к Сибирской дороге еще более возрос. В Америке пристально наблюдали за ходом сооружения Сибирского пути и обсуждали связанные с этим перспективы развития американской торговли. «Сибирская линия, — писал тогда американский консул в Петербурге Карел, — окажет громадный эффект на экспортную торговлю Соединенных Штатов, возрастут наши коммерческие отношения с европейской Россией и будут обеспечены новые возможности для американских товаров в Сибири».³

Между тем строительство Сибирского пути быстро подвигалось вперед, а с лета 1895 г. распространился слух о том, что Россия намерена дополнить Сибирскую магистраль железнодорожной веткой через Маньчжурию к одному из незамерзающих китайских портов. Слух этот, однако, никого не застал врасплох в Америке. Наоборот, к этому времени в Нью-Йорке уже был составлен (главным образом усилиями рокфеллеровской группировки) синдикат, представители которого обратились к китайскому правительству с просьбой предоставить созданной синдикатом «Америкэн Чайна дивелопмент компани» («American China Development Co.») концессию на сооружение Транскитайской железнодорожной магистрали, и в первую очередь транманьчжурской линии на соединении с Сибирским путем. Пони-

² Имеется в виду двукратное предложение американского банкира Баттерфилда, а также попытка, предпринятая в начале 1896 г. через отпущенного на коронацию Николая II К. Узбба, крупнейшим железнодорожным магнатом США Вандербильттом (см.: А. Вэбб, *Americans in Russia*. London—New York, 1938, стр. 18, 134; Рутковский — Романову 17/29 апреля 1896 г., Охочинский — Рутковскому 29 июня/11 июля 1896 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 581, лл. 17, 27; Б. А. Романов, *Россия в Маньчжурии*. Л., 1928, стр. 474.

³ Донесение Карела 22 августа (н. ст.) 1896 г.: *Consular Reports*, v. LII, стр. 351.

мая, что успех данного предприятия вряд ли может быть обеспечен без согласия России, которая рассматривала Маньчжурию в качестве своей «сферы влияния», представители синдиката обратились одновременно в русское дипломатическое ведомство, а также к Русско-Китайскому банку с просьбой оказать содействие в реализации американского проекта и предложили русской стороне 40% акций и облигаций «Америкэн Чайна дивелопмент компани». Этот маневр, однако, не увенчался успехом, а предпринятые впоследствии американским синдикатом самостоятельные попытки получить железнодорожную концессию на соединение с Сибирской магистралью провалились из-за противодействия России.⁴

Уроки этой американской попытки, равно как и в целом практика русско-американских отношений того времени, показывали, что без надлежащего контакта с русской стороной американские планы в отношении России и той части Китая, которая находится в ее «сфере влияния», реализованы быть не могут. Это обстоятельство вполне оценивали представители заинтересованных деловых кругов США, и на протяжении 90-х годов делались неоднократные попытки достигнуть соответствующего соглашения с Россией.

Стремление достигнуть соглашения с Россией было в это время средством осуществления планов американской экспансии и одновременно представляло собой попытку чисто империалистического сговора. Последнее особенно наглядно проявилось в стремлении крупнейшей американской монополии «Стандард ойл» («Standard oil») достигнуть соглашения с магнатами русской нефти, которое позволило бы ей путем раздела «сфер влияния» укрепить свое пошатнувшееся в 90-е годы положение на мировом рынке. При этом важно подчеркнуть, что попытки раздела мирового рынка были, как указывал В. И. Ленин,⁵ одним из признаков наступления новой эпохи — империализма, и знаменательно, что вопрос этот занимал едва ли не центральное место в русско-американских экономических отношениях конца XIX—начала XX в., а его влияние на общий ход этих отношений трудно переоценить.

Еще в 1889 г. под воздействием резкого увеличения русского нефтяного экспорта на внешние рынки, подорвавшего до того монопольное положение «Стандард ойл», Рокфеллер предложил своим русским конкурентам поделить мировой рынок на «сферы влияния».

⁴ Подробно об этом см. нашу работу: Борьба за раздел Китая и американская доктрина «открытых дверей». М.—Л., 1956, стр. 42 сл.

⁵ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения, т. 22, стр. 236—237.

Это предложение стало предметом обсуждения представителей «Стандард ойл», с одной стороны, и парижских Ротшильдов, в руках которых находилось одно из крупнейших нефтепромышленных и торговых объединений России — Каспийско-Черноморское общество, организовавшее к этому времени первое экспортное объединение бакинских нефтепромышленников, — с другой. «Два года тому назад, — писал Ротшильд позднее в одном из своих писем в Петербург, — фирма „Стандард ойл“, которая, казалось, опасалась, что посредством нашей системы контрактов по посредничеству нам удастся сгруппировать в одно прочное целое все интересы Кавказа и стать таким образом опасным для нее конкурентом, — сделала нам предложение войти с нею в соглашение». Однако переговоры эти, по словам Ротшильда, «не могли быть закончены ввиду встретившихся различного рода затруднений».⁶ Возобновились они лишь спустя 3 года, весной 1892 г., когда в Париж прибыл специально посланный туда один из руководителей рокфеллеровского треста — Джон Арчболд.

Докладывая Рокфеллеру о результатах своих переговоров, Арчболд сообщал, что он имел «пространные беседы по русскому вопросу» и полагал, что «достиг существенного прогресса». Дальнейшее обсуждение этого дела должно было, по его мнению, проходить «сугубо конфиденциально между нами и гг. Ротшильд», поскольку всякая гласность может оказаться «фатальной» для попытки Ротшильда объединить под своей эгидой всех экспортеров русской нефти, без чего не мыслилась эффективность подобного рода соглашения. При этом Ротшильд специально просил Арчболда не вступать в переговоры с другим крупнейшим в России наряду с Каспийско-Черноморским обществом и конкурирующим с ним нефтепромышленным и торговым объединением — товариществом «Бр. Нобель», оставив инициативу предложения Нобелю за собой. В свою очередь Ротшильд обещал Арчболду, что «немедленно предпримет шаги, чтобы получить контроль над русскими предприятиями», и был «совершенно уверен в своей способности осуществить это».⁷

Однако оптимизм Ротшильда оказался неоправданным. Уже с самых первых шагов ему пришлось убедиться в отсутствии у Нобеля какого-либо желания занять уготованную тому роль

⁶ В связи с начатыми переговорами Ротшильды запрашивали в 1889 г. царское Министерство финансов о его мнении по поводу возможного соглашения с Рокфеллером и выяснили, что «мнение это не оказалось принципиально неблагоприятным» (письмо Ротшильда русскому Министерству финансов 24 апреля/6 мая 1891 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, д. 1114, л. 47).

⁷ Арчболд — Рокфеллеру, 13 июля (н. ст.) 1892 г.: A. Nevins. John D. Rockefeller, v. II. New York—London, 1953, стр. 123.

второстепенного участника. Наоборот, Нобелю удалось перехватить в свои руки инициативу, и в начале 1893 г. под его эгидой был образован «Союз семи фирм», а созданное к этому времени во главе с Ротшильдом объединение нефтепромышленников вынуждено было войти в соглашение с нобелевским «Союзом», более сильным, чем объединение Ротшильда, и уступить, таким образом, Нобелю ведущую роль.

Соглашение это, впрочем, не смогло вступить в силу вследствие «вето» русского Министерства финансов, недовольного тем, что в сферу действия соглашения был включен и русский внутренний рынок.⁸ Обеспокоенное, однако, положением русского нефтяного экспорта, Министерство финансов само решило принять меры, чтобы ускорить объединение экспортеров русской нефти. Имея перед глазами опыт «Стандард ойл», царское Министерство финансов считало целесообразным создать в России нечто подобное американскому тресту, в котором оно видело образец успешной организации дела.

С этой целью в октябре 1893 г. Министерство финансов созвало в Петербурге совещание нефтепромышленников, рассмотрению которого был предложен проект «Союза бакинских керосинозаводчиков», составленный, по всей вероятности, Нобелем. Проект этот был подписан участниками совещания, за исключением входившей первоначально в «Союз семи фирм» группировки Манташева, присоединившейся к «Союзу бакинских керосинозаводчиков» лишь позднее, в феврале 1894 г., результате чего «Союз» стал контролировать 97% нефтедобычи бакинского района.⁹

Вскоре после создания «Союза бакинских керосинозаводчиков» «Стандард ойл» и возобновила свои предложения. Если верить нью-йоркской газете «Уорлд» («World»), в результате переговоров между представителями «Стандард ойл» и «Союза бакинских керосинозаводчиков» весной 1894 г. в Париже было достигнуто соглашение о разделе мирового рынка на «сферы влияния». Сферой влияния русской торговли признавались рынки Восточной Европы, вся Азия и восточная часть Африканского материка. «Стандард ойл» гарантировала также неприкосновенность рынка самой России и обязалась охранять его от притязаний не входящих в трест Рокфеллера американских нефтяных компаний. В обмен на это русская сторона признавала сферой американского треста — Западную Европу (включая Германию на запад от Рейна, Италию и Средиземноморские

⁸ С. и Л. Першке. Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис, 1913, стр. 51.

⁹ Там же, стр. 51; ЦИИАЛ, ф. 37, оп. 66, д. 2207, лл. 31—38.

страны), всю Америку и западную часть Африки. Для того чтобы вступить в силу, соглашению предстояло получить санкцию русского Министерства финансов. Но санкции этой не последовало, так как «Стандард ойл» не дала, по мнению Министерства финансов, необходимых гарантий, что соглашение не будет нарушено другими американскими компаниями.¹⁰

Рокфеллер извлек уроки из предыдущих переговоров и решил теперь действовать через Нобеля. Во-первых, Нобелю принадлежало ведущее положение в «Союзе бакинских керосинозаводчиков», и Рокфеллер, по-видимому, рассчитывал, что при его помощи легче будет склонить к соглашению остальных нефтепромышленников. Во-вторых, несомненный расчет был и на связи Нобеля с правительством. Еще в начале 80-х годов, когда «Стандард ойл» занимала ведущее место в нефтяной торговле самой России, в связи с ростом предприятия Нобеля в окружении Рокфеллера возникла мысль о целесообразности вступить в соглашение с ним или даже купить его предприятие. Это последнее, однако, было отклонено по соображениям «непрактичности»: ввиду неминуемых возражений со стороны царского правительства, а также и ввиду «важности сохранить Л. Нобеля у дел». Отстаивал эту точку зрения рокфеллеровский агент Функ. По его мнению, Л. Нобель был «бесценным» человеком, так как обладал «ловкостью, пониманием русского бизнеса, высокими связями и опытом работы с царской бюрократией».¹¹ И вот теперь, через десять с лишним лет, «Стандард ойл» предстояло вступить в переговоры уже с сыном Л. Нобеля — Э. Нобелем, главой самого сильного нефтепромышленного объединения России, значительно приумножившего состояние своего отца и укрепившего свои связи с правительством. Для проведения этой важной операции Рокфеллер направил весной 1895 г. в Европу одного из самых опытных и ловких «дипломатов» «Стандард ойл» — Уильяма Либби. Свидание Либби с Нобелем состоялось в Париже, и 14 марта (н. ст.) 1895 г. стороны зафиксировали итоги своих переговоров в предварительном соглашении, определявшем квоты американского (70%) и русского (25%) нефтяного экспорта.¹² Соглашение это должно было получить одобрение «Союза бакинских

¹⁰ См.: New York Herald, 1894, 7 мая; С. А. Каде р. Короли нефтяной промышленности и государственная монополия на нефть. Пгр., 1916, стр. 30—32.

¹¹ Функ считал, однако, необходимым приобрести значительную часть нобелевских акций, а затем через Нобеля сделать попытку получить у царского правительства концессию на строительство транскавказского трубопровода. Правда, и этот план реализован не был (см.: А. Nevins, ук. соч., стр. 116—117).

¹² Копия соглашения см.: ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, д. 1248, лл. 1—5.

керосинозаводчиков» и утверждение Министерства финансов, однако встретило решительные возражения со стороны нефтепромышленников и прежде всего Каспийско-Черноморского общества Ротшильда, которого указанные квоты могли не устраивать уже только потому, что экспорт нефти на Дальнем Востоке, львиная доля которого падала именно на эту компанию, из года в год увеличивался и к моменту подписания соглашения Либби—Нобель даже превысил американский. Соглашение не вызвало энтузиазма и среди других участников «Союза», а до правительственных инстанций, насколько нам известно, не доходило.

Потерпев, таким образом, еще раз неудачу в попытке договориться с «Союзом бакинских керосинозаводчиков», «Стандард ойл» решила пойти по пути расширения уже достигнутого ею контакта с Нобелем. Расчет здесь заключался в том, чтобы добиться прочного союза с этим крупнейшим нефтепромышленным объединением, а затем уже силой принудить подчиниться и остальных участников «Союза». Со своей стороны Нобель охотно пошел на такое сближение, так как несомненно рассчитывал путем союза с Рокфеллером нанести удар своим конкурентам в России и в первую очередь по Каспийско-Черноморскому обществу. В период 1895—1897 гг. между Нобелем и филиалами «Стандард ойл» в Европе был заключен ряд соглашений, исходивших из намеченных ранее в переговорах с Рокфеллером границ раздела «сфер влияния». При помощи созданных Нобелем дочерних фирм он торговал керосином в Германии (на восток от Рейна) и всей восточной части Европы. Что же касается сбыта нефтепродуктов в страны Западной Европы, то он производился исключительно путем обусловленных договорами поставок торгующим в этих странах филиалам «Стандард ойл».

Соглашения Нобеля со «Стандард ойл» вызвали резкие нападки на него со стороны других участников «Союза бакинских керосинозаводчиков». Критика действий Нобеля раздавалась со страниц газет и журналов, петиций и писем, подаваемых правительству, а особенно усилилась осенью 1897 г., в связи с предстоящим созывом XI съезда бакинских нефтепромышленников, который должен был обсуждать вопрос об экспорте нефти за границу, в связи с ликвидацией «Союза бакинских керосинозаводчиков».¹⁵ Накануне открытия съезда служащий парижского дома Ротшильдов Арон, занимавшийся русскими делами, с оттенком явной осведомленности писал правлению близкого к Ротшильдам Петербургского международного банка, что он

¹⁵ «Союз» прекратил существование в конце 1897 г.

«полагает», что кампания прессы против Нобеля «не даст повода к тому, чтобы окончиться» и что в ходе предстоящего съезда «возникнет много вопросов о соглашениях Нобеля со „Стандард ойл“, соглашениях, которые в известном смысле парализуют развитие экспорта русского керосина».¹⁴ Съезд прошел при явном преимуществе на стороне противников Нобеля. Показателем этого, в частности, было принятое на съезде решение обратиться к правительству с просьбой создать специальную комиссию, чтобы выработать меры по оказанию помощи в развитии экспорта русского керосина на Дальний Восток, иными словами поддержать Каспийско-Черноморское общество Ротшильда, в руках которого была сосредоточена почти вся дальневосточная торговля керосином.¹⁵

Такой оборот дела мало способствовал реализации планов «Стандард ойл», и Рокфеллер решил снова обратиться к Ротшильд, чтобы попытаться склонить его к соглашению. 31 марта (н. ст.) 1898 г. телеграммой из Парижа Арон поставил в известность правление Петербургского международного банка о том, что «Стандард ойл» возобновила свои предложения относительно раздела мирового рынка. Из этой телеграммы видно, что в 1897 г. Либби вел в Париже переговоры с Нобелем и Ротшильдом, а теперь, весной 1898 г., «снова вернулся из Нью-Йорка с предложениями к нам достигнуть согласованности с Нобелем».¹⁶

Настойчивость, с которой Рокфеллер добивался соглашения с магнатами русской нефтяной промышленности, объясняется тем, что экспорт нефти из России из года в год увеличивался, завоевывая все более прочные позиции на мировом рынке. Между тем покровительственная политика царского правительства, а также растущий интерес, проявляемый к нефтяной промышленности России и развитию экспортной торговли русским керосином со стороны иностранного капитала, создавали для «Стандард ойл» явно неблагоприятные перспективы, и непосредственное доказательство этому можно было видеть на примере

¹⁴ Арон — Ротштейну 18/30 октября 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 286, л. 58.

¹⁵ В соответствии с принятым решением Совет съезда бакинских нефтепромышленников обратился в Министерство финансов. Еще ранее аналогичный запрос был сделан Русско-Китайскому банку. В интересах принятия необходимых мер правление Русско-Китайского банка поручило директору своего Пекинского отделения Д. Д. Покотилову, одновременно исполнявшему обязанности агента Министерства финансов в Пекине, обследовать состояние торговли керосином в Китае и представить соответствующий доклад. Доклад Покотилова см.: ЦГИАЛ, ф. 632, оп. 1, д. 10, лл. 6—28.

¹⁶ Там же, ф. 626, оп. 1, д. 628, л. 77.

русско-германских переговоров 1897—1899 гг. о льготах на торговлю русским керосином в Германии.

Инициатива этих переговоров принадлежала германской стороне и порождена была ростом антиамериканских настроений в Германии. С одной стороны — в связи с усилением экономической экспансии США в Европе, а с другой — из-за принятия в 1897 г. конгрессом Соединенных Штатов протекционистского тарифа Дингли, закрывавшего доступ иностранной и в том числе германской продукции на американский рынок.¹⁷ Еще летом 1897 г., находясь с визитом в Петербурге, германский император Вильгельм II пытался склонить царя Николая II и министра финансов Витте к созданию торгово-политической коалиции против США.¹⁸ Предложение Вильгельма не получило поддержки в Петербурге. Царское правительство находило, что присоединение к такого рода коалиции никак не соответствовало бы ни «экономическим интересам» России, ни «тем дружественным отношениям, которые существуют издавна» между Россией и Соединенными Штатами.¹⁹ Зато, когда осенью 1897 г. только что назначенный германским министром финансов бывший посол Германии в США фон Тильман предложил русскому Министерству финансов начать переговоры о предоставлении льгот для торговли русским керосином в Германии в интересах вытеснения рокфеллеровской «Стандард ойл», это предложение было немедленно принято.

Мотивируя позицию германского правительства, фон Тильман в беседе с агентом Министерства финансов в Берлине Тимирязевым заявил, что Германия «самым искренним образом» желает содействовать русскому экспорту «не только чтобы защитить немецкого потребителя от монополистических помыслов «Стандард ойл», но еще более, чтобы ввиду слагающихся торгово-политических отношений между Германией и Соединенными Штатами сделать неприятное последним».²⁰ События показали, однако, что дело было и не в «немецком потребителе», интересы которого, надо полагать, меньше всего волновали правящие круги Германии, и даже не в одном желании «сделать неприятное» американцам, а прежде всего в том, что крупный немецкий капитал, отлично понимая выгодность торговли керо-

¹⁷ А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1948, стр. 345—350.

¹⁸ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. Л., 1924, стр. 98—100.

¹⁹ Муравьев — Витте 19 ноября/1 декабря 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 6, д. 992, л. 112.

²⁰ Тимирязев — Витте 6/18 ноября 1897 г.: там же, оп. 7, д. 195, лл. 2—7.

сином на германском рынке,²¹ решил отвоевать эту торговлю у «Стандард ойл» и взять ее в собственные руки. Об этом свидетельствует появившийся в ходе переговоров проект специального синдиката по торговле русским керосином в Германии, выдвинутый рядом ведущих немецких банков. Проект этот исходил из коренной перестройки керосиновой торговли в Германии, доказательством чему был, в частности, тот факт, что с предложением о создании синдиката немецкие банки обратились не к Нобелю, в руках которого находилась вся торговля русским керосином в Германии, но о котором уже было известно как о союзнике Рокфеллера, а к его соперникам — парижским Ротшильдам.

Первоначально немецкие банки пытались заключить соглашение с конкурирующей с Рокфеллером американской компанией «Пур ойл компани» («Pure Oil Co.»), которая также занималась в то время экспортом нефтепродуктов из США, хотя и была много слабее «Стандард ойл». Попытка эта не удалась, и тогда германские банки решили переключиться на русскую нефть.²² В октябре 1898 г. германский банкир Ф. Вахенгейм, действуя по поручению крупнейших немецких банкиров Блейхредера (Берлин) и Варбурга (Гамбург), а также и от имени представляемого им Дейче еффектен унд вексель банк (Deutsche Effecten und Wechsel Bank) во Франкфурте-на-Майне начал переговоры с представителем парижских Ротшильдов — Ароном. Вахенгейм предложил дому Ротшильдов основать совместное общество для торговли нефтью с номинальным капиталом в 10 млн марок, из них 8 млн германские банки брали на себя, а 2 млн должен был внести Ротшильд. Германские банки рассчитывали, что проектируемое ими общество не ограничит своей деятельности одной Германией, а распространит ее также и на другие европейские страны — Бельгию, Голландию и Англию, где фирма Ротшильдов имела дочерние организации. По расчетам немцев, предлагаемый ими синдикат не должен был ограничиваться одной продажей нефти, а заняться также скупкой нефтяных источников в России и перегонкой нефти, которая затем уже должна была поступать на рынок. Однако предложенный немецкими банками проект объединения французского и германского капиталов встретил у французской стороны весьма сдержанный прием. Переговоры о создании синдиката затянулись почти на полгода, и были прерваны в апреле 1899 г. француз-

²¹ Германия считалась в то время наиболее выгодным рынком в Европе. См.: Арон — Ротштейну 3/15 июня 1899 г.: там же, ф. 626, оп. 1, д. 652, л. 22; A. Nevins. John D. Rockefeller, vol. II. New York, 1941, стр. 23.

²² См. Записку «В» Арона, приложенную к письму Ротштейну 3/15 июня 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 652, л. 30.

зами на том основании, что выдвигаемые Вахенгеймом условия были признаны для Ротшильдов неприемлемыми.²³ Тогда возникло решение обратиться в Петербург к Международному банку, с которым немецкий капитал имел традиционные связи в расчете на то, чтобы привлечь к участию в предполагаемом синдикате как этот банк, так и при его содействии уговорить находившуюся в тесных отношениях с ним компанию Ротшильда. В мае 1899 г. Вахенгейм прибыл в Петербург, чтобы завязать переговоры с директором банка Ротштейном, и при первом же свидании с ним изложил проект «своего рода картеля», располагающего, помимо Германии, «базами, которыми владеют гг. Ротшильды в Англии, Бельгии и Голландии для торговли всею продукцией, и одновременно с этим заявил о желании германских банков принять участие в предприятиях Ротшильда в России, в частности, в контролируемой ими крупной нефтяной компании „Мазут“».²⁴

Ротштейн благожелательно принял Вахенгейма и с участием отнесся к его проекту. Он немедленно обратился к Арону и с энтузиазмом описал ему визит и предложения Вахенгейма, надеясь склонить Ротшильдов пойти навстречу германским банкам.²⁵ Но французы и теперь оставались сдержанны. В своем ответе Ротштейну Арон выражал сомнение в солидности германского предложения, говорил об отсутствии опыта в нефтяных делах у тех, кто брался за них, и ссылаясь на тяжелое положение рынка. Впрочем, он не отказывался обсудить данный вопрос и сообщал, что вскоре будет созвано специальное совещание. «В этом деле, — писал он о германском проекте, — есть за и есть против». В принципе Арон считал возможным участие Ротшильдов в проектируемом синдикате, но сразу решительно отклонил германские притязания в отношении «Мазута».²⁶ В письме Арона Ротштейн мог уловить раздражение и элемент наставления и потому, видимо, довольно резко ответил ему, что считает Вахенгейма «знатоком дела», что последний адресует «исключительно к Международному банку» и, следовательно, «вся ответственность» ляжет на плечи этого банка, а не на компанию Ротшильдов. Понимая, однако, невозможность пренебречь мнением Ротшильдов, ставших к этому времени главными

²³ Записки «А» и «В», датированные 22 января/3 февраля 1899 г.; Арон — Ротштейну 3/15 июня 1899 г.; Вахенгейм — Международному банку 22 апреля/4 мая 1899 г.; Ротштейн — Арону 30 мая/11 июня 1899 г.: там же, лл. 16—17, 20—22, 28—34.

²⁴ Ротштейн — Арону 30 мая/11 июня 1899 г.: там же, л. 17.

²⁵ Там же, лл. 16—17.

²⁶ Арон — Ротштейну 3/15 и 4/16 июня 1899 г.: там же, лл. 20—22, 44—46.

кредиторами царского правительства и выступавшими в целом ряде предприятий совместно с Международным банком, Ротштейн заверял Арона, что «ни в коем случае не примет решения до того, как изучит вопрос вместе с вами», что в пределах участия Международного банка Ротшильды смогут принять такое участие в синдикате, «какое вы пожелаете», и что «кроме денег, это не повлечет за собой для гг. Ротшильдов никакой ответственности, исключая моральную».²⁷ В то же время Арону было послано сообщение о поездке Вахенгейма на Кавказ, предпринятой им для переговоров с бакинскими нефтепромышленниками.

И в ответ на это письмо Арон не проявил энтузиазма в отношении германского проекта, но согласился с Ротштейном в том, что касалось роли и характера возможного участия Ротшильдов в проектируемом синдикате. «Вы очень хорошо поняли, — писал он, — роль, которая должна быть разделена моим банком в случае, если бы Международный банк стал участвовать в нем (синдикате, — А. Ф.)». Но с нескрываемым раздражением реагировал Арон на известие о поездке Вахенгейма в Баку. Он заявлял Ротштейну, что давно осведомлен о намерении начать такого рода действия, так как во время переговоров с ним Вахенгейм выдвинул это «в качестве угрозы обойтись без помощи дома Ротшильдов», но что он «абсолютно уверен, что демарши, которые будут предприняты г. Вахенгеймом по отношению к бакинским промышленникам, жалким образом провалятся». Арон напоминал Ротштейну, что в свое время группировка Манташева пыталась организовать общество по торговле керосином в Германии, но, столкнувшись с затруднениями, отказалась от этой затеи. «Они, — писал Арон, — не забыли трудностей, которые им пришлось испытать, и не подумают начинать этого опыта снова».²⁸

Пока вне игры оставался лишь Нобель. Но, наконец, Международный банк обратился и к нему, и значение этого обращения оказалось таково, что сразу решило судьбу переговоров с немецкими банками. Когда Нобеля информировали о германском проекте, который угрожал самому существованию его фирмы «Нафтапорта» («Deutsche Russische Naphta Import Gesellschaft»), созданной еще в 80-х годах для торговли русским керосином в Германии, он немедленно выдвинул встречный план своего объединения с Ротшильдом. Нобель заявил представителям Международного банка о своем согласии допустить Каспийско-Черноморское общество в качестве акционеров «Наф-

²⁷ Ротштейн — Арону 8/20 июня 1899 г.: там же, л. 47.

²⁸ Арон — Ротштейну 12/24 июня 1899 г.: там же, л. 49.

тапорты», выделив им в счет предполагавшегося увеличения капитала «Нафтапорты» (с 1,5 до 5 млн марок) пакет акций в 2 млн марок и обеспечив за Ротшильдами надлежащее влияние в управлении компанией. Со стороны Нобеля стремление к соглашению с Ротшильдом, помимо желания расстроить германский проект, диктовалось также позицией, занятой в это время Рокфеллером. Узнав о проекте русско-германского соглашения о льготах для русского керосина и понимая, что эта мера непосредственно направлена против «Стандард ойл», Рокфеллер предал своего прежнего союзника, и для того чтобы скомпрометировать его, предъявил германскому правительству соглашение с Нобелем о разделе германского рынка. Одновременно не без содействия «Стандард ойл» в германском рейхстаге и прессе поднялась кампания против заключения русско-германского соглашения, в результате которой акции соглашения были сильно подорваны.²⁹

Все это, естественно, служило для Нобеля лишним аргументом в пользу соглашения с Ротшильдом. Еще в октябре 1897 г. в связи с предстоявшим окончанием срока действия «Союза бакинских керосинозаводчиков», Нобель обращался к Ротшильдам с предложением возобновить соглашение, которое нужно ему было тогда главным образом для того, чтобы расколоть силы оппозиционно настроенных нефтепромышленников.³⁰ Однако Ротшильды не приняли в то время нобелевского предложения, и маневр этот успехом не увенчался.

Теперь судьба обращения Нобеля оказалась иной, чем в октябре 1897 г. Помимо общей настроенности против союза с германскими банками, представители Ротшильда отлично понимали, в какое сложное и опасное предприятие вступили бы они, если бы приняли предложение Вахенгейма. По опыту своих предприятий — английского «Керосин компани» («Kerosine Co.») и бельгийско-голландского «Сосьете белж-голландез» («Société Belgo-Hollandaise») — Ротшильды знали, какие серьезные, а подчас просто непреодолимые трудности представляла собой борьба с таким могущественным соперником, как Рокфеллер, к тому же еще когда он выступал в союзе с Нобелем. Именно в связи с этим в одном из своих писем Ротштейну Арон подчеркивал, что предложение германских банков «представляет большой риск». «Стандард ойл», имеющая в Германии «прекрасную организацию», писал он, обладает «фактической монополией», по-

²⁹ Тимирязев — Витте 17/29 ноября 1898 г.; Тимирязев — Ковалевскому 10/22 апреля 1889 г.: там же, ф. 20, оп. 7, д. 195, лл. 294, 373—374.

³⁰ Предложения Нобеля Каспийско-Черноморскому обществу см.: там же, ф. 1458, оп. 1, д. 1193, лл. 1—30.

скольку торгующая русским керосином фирма Нобеля «действует более или менее в согласии» с ней, и потому «новых пришельцев» будет ожидать «жестокая война».³¹

Предложение Нобеля было выгодно, так как до известной степени позволяло Ротшильду разобщить силы своих противников, а вместе с тем, конечно, было и удобным средством провалить германский проект. Когда в Международном банке узнали о демарше Нобеля, Ротштейн с присущей ему трезвостью в такого рода делах сразу понял, что судьба германского проекта предрешена, и поэтому, сообщая Арону о предложении Нобеля, писал, что, «если эта комбинация реализуется, г. Вахенгейм утратит для нас весь интерес...»³² И действительно, предложение германских банков утратило всякий интерес, как только между Нобелем и Ротшильдом было заключено соглашение.³³

Правда, при содействии Международного банка немцы получили небольшие пакеты акций, из числа причитающихся на долю Ротшильда. Но вместо суммы в 400 тыс. марок, на которую рассчитывал в данном случае Блейхредер, он получил акций лишь на 100 тыс., а Варбург соответственно вместо 200—на 50 тыс.³⁴ Это были жалкие крохи, и не мудрено, что вскоре после провала банковских переговоров о создании задуманного немцами картеля для торговли русским керосином в Германии распались и переговоры по правительственным каналам, хотя соответствующее соглашение было в июне 1899 г. уже подписано и осталось лишь ратифицировать его и опубликовать.³⁵

Неудача германских банков в попытке создания картеля для торговли русским керосином в Германии несомненно была одной из важнейших причин провала русско-германских переговоров.

Но наряду с этим важную роль в конечной судьбе этих переговоров сыграли, по-видимому, и соображения международно-политического характера: в обстановке наметившегося в тот момент англо-американского сближения Германии было невыгодно давать в руки своей соперницы — Англии лишний козырь против себя. Наоборот, для того чтобы склонить США на свою сторону, еще летом 1898 г. в германском Министерстве иностранных дел возник проект предложить Соединенным Штатам

³¹ Арон — Ротштейну 4/16 июня 1899 г.: там же, ф. 626, оп. 1, д. 652, л. 46.

³² Ротштейн — Арону 15/27 июня 1899 г.: там же, л. 50.

³³ Текст договора см.: там же, ф. 1458, оп. 1, д. 1255, лл. 32—34.

³⁴ Арон — Ротштейну 6/18 сентября 1899 г.: там же, ф. 626, оп. 1, д. 282, лл. 287—288.

³⁵ См.: там же, ф. 20, оп. 7, д. 195. Обращает на себя внимание факт, что соглашение о льготах на торговлю русским керосином в Германии было подписано как раз в то время, когда Вахенгейм начал свои переговоры с Ротштейном.

союз и таким образом расстроить их блок с Англией.³⁶ При таких условиях, естественно, заключить соглашение, направленное непосредственно против американских интересов, было, по крайней мере, нелогично.

Как бы то ни было, русско-германские переговоры потерпели неудачу. И это была серьезная победа американского капитала. Победа потому, что «Стандард ойл» ни на минуту не оставалась безучастной к ходу этих переговоров, а всеми силами стремилась помешать достижению соглашения. Сначала, как мы уже видели, она компрометировала Нобеля, а вместе с тем и царское Министерство финансов, которое вело указанные переговоры и с согласия которого якобы Рокфеллер, по его утверждению, заключал все свои соглашения с Нобелем. Затем — путем резкого понижения цен на американский керосин. Таким образом «Стандард ойл» рассчитывала, с одной стороны, нанести удар по торговле русским керосином, а с другой — выбить козырь из рук антиамериканских кругов в рейхстаге и прессе, которые утверждали, что монополия американского треста неизменно влечет за собой постоянное повышение цен, пагубно отражающееся на положении германского потребителя. Наконец, важнейшее значение в кампании, затеянной «Стандард ойл» против русско-германского соглашения, имело выступление правительства США, которое, как сообщал тогда в Петербурге агент Министерства финансов Тимирязев, «прилагает все старания, чтобы помешать этому соглашению».³⁷

Итак, срыв русско-германских переговоров знаменовал собой серьезный успех «Стандард ойл», но вместе с тем самый факт этих переговоров и в особенности соглашение, заключенное между Нобелем и Ротшильдом, в результате которого последний стал владельцем крупного пакета акций нобелевского предприятия по торговле русским керосином в Германии, должны были послужить для Рокфеллера поучительным уроком. Значение указанных событий отнюдь не исчерпывалось усилением позиций конкурентов «Стандард ойл» в Германии, но и свидетельствовало о стремлении создать против нее некий интернациональный блок. Действительно, результатом соглашения между Нобелем и Ротшильдом было значительное расширение участников «Нафтапорты», торговавшей русским керосином в Германии. Из числа вновь выпускаемых акций наряду с Блейхредером и Варбургом небольшие пакеты были предоставлены венскому Ротшильду, Венгерскому всеобщему кредит-

³⁶ Рихтгофен — Гатцфельду 6 июля (н. ст.) 1898 г.: Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914, Vd. XV. Berlin, 1924, № 4154.

³⁷ Тимирязев — Ковалевскому 10/22 апреля 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 195, л. 410.

ному банку (в Будапеште), Австрийскому кредитному институту по торговле и ремеслу (в Вене), а также представителю бельгийского финансового мира — Барм де Ламберу.³⁸

Особое же внимание обращала на себя во всем этом деле германская инициатива. На уроке русско-германских переговоров, а также и реорганизации «Нафтапорты» можно было видеть, что принимаются практические меры для реализации выдвинутой кайзером и уже ставшей известной в Америке идеи торгово-политической коалиции европейских государств против США. Это обстоятельство вызывало растущую тревогу в Соединенных Штатах, которые видели в проекте антиамериканской коалиции «беспорный» признак желания изгнать американскую продукцию с мирового рынка, и орган деловых кругов «Джурнал оф коммерс» («Journal of Commerce») выразил предположение, не связано ли это с предстоящим открытием Транссибирской дороги?³⁹

В лице Германии, переживавшей в это время, как и США, период бурного экономического подъема, роста монополий и активных поисков внешних рынков. Соединенные Штаты встретили одного из самых упорных империалистических соперников. Внимание обеих сторон в одинаковой мере было приковано в эти годы к строительству Сибирской железной дороги, с завершением которой и Германия, и США связывали расчеты на новые рынки сбыта товаров, новое необычайно широкое поприще для капиталовложений, а также и на эксплуатацию минеральных богатств Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, с организацией сквозного сообщения через Сибирь ожидалось развитие торговых отношений с Китаем, в которых принимали активное участие как германский, так и американский капиталы. И, кстати сказать, те и другие были заинтересованы в нефтяной торговле на Востоке. Для «Стандард ойл» Китай был одним из важнейших и наиболее выгодных рынков сбыта керосина, а германский капитал, в частности одна из крупнейших немецких фирм в Китае «Арнольд Карберг и К^о» («Arnhold Karberg and Co.»), осуществлял крупные посреднические операции по продаже экспортировавшегося в Китай русского керосина и был заинтересован в расширении его сбыта.⁴⁰

³⁸ Участие Международного банка вылилось в 100 тыс. марок (ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, д. 1321, л. 1).

³⁹ Цит. по кн.: Ch. S. Campbell. Special Business Interests and the Open Door Policy. New Haven, 1951, стр. 7.

⁴⁰ См. доклад Покотилова правлению Русско-Китайского банка 21 августа/2 сентября 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 632, оп. 1, д. 10, лл. 6—28; см. также материалы, собранные Покотилковым о торговле керосином в Китае в 1900 г.: там же, ф. 560, оп. 29, д. 188, лл. 28—45.

Касаясь того обстоятельства, что Германия имеет далеко идущие планы в отношении Сибирской дороги, американский консул в Хемнице Монаген отмечал, что «многое из того, что имеет значение в этой дороге для Германии, России и всей Европы, может иметь еще большее значение для нас... Вся западная часть нашей страны (Америки, — *А. Ф.*), если не весь континент, заинтересована в этой дороге». Монаген предвидел, что Сибирская железная дорога «так широко откроет Восток, как он никогда не был открыт», и обращал внимание на воинственные настроения германской прессы, считавшей необходимым для Германии стать твердой ногой на Дальнем Востоке. В связи с этим, по мнению консула, Соединенным Штатам надлежало принять срочные меры, чтобы предупредить Германию; в числе этих мер он предлагал прежде всего открыть консульство во Владивостоке⁴¹ и иметь своих агентов во всех сибирских городах. Оценивая недостаток свободных капиталов в России и стремление царского правительства привлечь иностранный капитал, а также то обстоятельство, что до сих пор главное внимание уделялось развитию европейской части России, Монаген писал: «У России руки заняты дома. Наши руки должны помочь ей на Востоке». Монаген призывал представителей торгового и промышленного мира США извлечь для себя урок из сложившегося положения и предпринять соответствующие меры. «Если мы дадим им (русским, — *А. Ф.*) так же хорошо или лучше, чем другие, — писал он, — дешево или дешевле, то львиная доля торговли будет нашей».⁴²

Этот призыв представителя дипломатического ведомства США вполне согласовывался с настроением и действиями американского делового мира, выступившего в 1898 г. с предложением предоставить России денежный заем.

Американское предложение о займе отражало тот перелом на финансовом рынке США, который произошел в конце 90-х годов на базе экономического подъема, охватившего американскую промышленность, а также на базе связанной с переходом к империализму усиленной концентрации производства и капитала. Характеризовавшая в эти годы Соединенные Штаты «большая кредитная экспансия», проявившаяся в колоссальном росте операций банков и расчетных палат в области учредительства новых акционерных обществ внутри США,⁴³ нашла свое выражение и во внешних операциях американских банков,

⁴¹ США открыли консульство во Владивостоке в 1898 г.

⁴² Донесения Монагена 20 июля, 4 декабря (н. ст.) 1896: *Consular Reports*, v. LII, стр. 362; v. LIII, стр. 275.

⁴³ И. Трахтенберг. *Денежные кризисы (1821—1938)*. Мировые экономические кризисы, т. III, М., 1939, стр. 303—305.

в том, что именно в указанные годы Америка стала экспортировать капитал за границу.⁴⁴ Это были еще самые первые попытки вывоза капитала, но, обогнав к этому времени остальные страны мира в промышленном отношении, США уже мечтали о том, когда они смогут захватить в свои руки и господство в области финансов. «Мы давно уже стали житницей мира, — претенциозно заявлял председатель американской банкирской ассоциации на ее съезде в 1898 г., — теперь мы хотим стать его фабрикой, а в дальнейшем его расчетной палатой».⁴⁵

Выход американского капитала на мировой финансовый рынок непосредственно затрагивал интересы европейской биржи. Что же касается конкретно предложения о займе России, то оно никак не могло быть безразлично ни берлинским банкирам, ни, в особенности, парижским Ротшильдам, занимавшим не только одно из ведущих мест в нефтяной промышленности России, как это уже было показано, но и имевших значительные интересы в других отраслях русской промышленности, а также вложивших крупные средства в государственные займы России.

Царское правительство, прочно связавшее к этому времени свою судьбу с иностранной биржей, без периодической финансовой поддержки которой оно уже не мыслило своего существования и в действительности едва ли могло существовать, само живо интересовалось в данный момент возможностью получения займов в Америке. Однако начатые вскоре переговоры показали, что выдвигаемые американской стороной финансовые условия неприемлемы для России. Рецепт Монагена дать «так же хорошо или лучше, чем другие, дешево или дешевле», ставший реальным для области торговли, был пока мало применим в сфере заграничных инвестиций. Американские условия были не лучше, а хуже тех, которые могла предложить России европейская биржа, и царское Министерство финансов, трезво оценив, что «количество свободных, ищущих помещения капиталов (в Америке, — А. Ф.) вряд ли велико», — переговоры с американскими банкирами прервало.⁴⁶ Тем не менее уже весной

⁴⁴ С. Ниринг, Д. Фримен. Дипломатия доллара. Л., 1926, стр. 17; Marcel van Zeeland Reuleaux. Les Etats Unis d'Amerique Bauguiers du Monde. Bruxelles, 1928, стр. 30. «Конец столетия ознаменовался ясно выраженным возрастанием заинтересованности Уолл-стрита в отдушине в виде иностранных инвестиций» (A. Rochester. Rulers of America. New York, 1936, стр. 30).

⁴⁵ Цит. по кн.: А. Канторович. Америка в борьбе за Китай. М., 1935, стр. 82.

⁴⁶ Справка о положении и результатах переговоров относительно заключения государственных займов в Соединенных Штатах 19/31 декабря 1898 г.; Витте — Ламздорфу 24 декабря 1898 г./5 января 1899 г.: АВПР, фонд Посольства в Вашингтоне 1898—1900, д. 142, лл. 49—50, 47.

1899 г. русско-американские переговоры о займе были возобновлены. Американские банкиры уполномочили вести переговоры поверенного в делах США в Петербурге г. Пирса, царское Министерство финансов — директора Петербургского международного и Русско-Китайского банков — Ротштейна, через которого Витте провел уже не одну операцию на заграничной бирже.⁴⁷

При этом важно подчеркнуть, что перспектива предоставления займа России интересовала американские банки не столько с точки зрения финансовых выгод займа, сколько как средство расширения торговых отношений и американского предпринимательства в России. Это достаточно определено дал понять Пирс, когда осенью 1899 г. в разговоре с парижским агентом Международного банка Шпитцером, он, заявив о благоприятном отношении американской биржи и, в частности, Моргана к вопросу о займе России, сразу перешел к тому, что «в настоящее время Соединенные Штаты стремятся развить коммерческие отношения с Россией» и с этой целью хотели бы в 1901 г. устроить в Петербурге выставку американских изделий, а также перевести в Петербург американские экспонаты Всемирной выставки 1900 г. в Париже.⁴⁸

Предложение об устройстве выставки американских изделий в Петербурге совпало с устройством аналогичной выставки в Шанхае, где Национальная ассоциация промышленников США приступила к строительству помещений для хранения американских товаров.⁴⁹ Оба эти факта были признаком усиления интереса американского капитала к проблеме расширения рынков сбыта товаров, в особенности применительно к Дальнему Востоку, где в то время в связи с захватом Соединенными Штатами в результате их войны с Испанией Филиппинских островов, ставших форпостом США на подступах к Азии, значительно активизировалась деятельность торговых компаний и предпринимательских организаций. Относящиеся к этому времени материалы русского посольства в Вашингтоне буквально изобилуют различного рода ходатайствами американцев

⁴⁷ Ротштейн — Витте 20 февраля/4 марта 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 429, л. 7. Материалы Международного банка, относящиеся к переговорам о займе, были опубликованы Б. А. Романовым и Б. В. Ананьичем (Попытки С. Ю. Витте открыть американский денежный рынок для русских займов (1898—1902). Исторический архив, 1959, №№ 1, 2).

⁴⁸ Там же. Вопрос этот был и предметом официальных дипломатических переговоров (см.: Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1899, стр. 591—597).

⁴⁹ См.: Recueil consulaire contenant les rapports commerciaux des agents Belges à l'étranger publié par le Ministère des affaires étrangères, t. 106. Bruxelles, 1900, стр. 295; Consular reports, v. LXIII, стр. 571.

с просьбой разрешить поездку в Сибирь и на Дальний Восток. Государственный секретарь Хэй, конгрессмены и сами представители делового мира просили русского посланника Кассини оказать содействие уполномоченным торговых палат и компаний, горным инженерам и геологам в осуществлении их замыслов «изучить торговые условия Северного Китая и Восточной Сибири», установить, какие «новые возможности (conditions)» развитие этой части Азии даст американским промышленникам в связи с предстоящим завершением Транссибирской ж. д.,⁵⁰ «производить разведки золота»,⁵¹ «исследовать минеральные ресурсы» Урала и Восточной Сибири,⁵² а также интересовались, какие права дает русское правительство иностранцам, занимающимся в России горным промыслом, строительством заводов, возможно ли приобретение в собственность земель, на которых будут открыты новые месторождения минералов, на какие размеры земельных участков может рассчитывать отдельное лицо и корпорация.⁵³

Из этих обращений можно видеть, что и теперь американские планы относительно России связывались с перспективами, которые должны были, по расчетам делового мира, открыться с пуском Сибирской линии. Планы эти занимали тем большее внимание деловых и политических кругов США, что в результате ясно определившихся к этому времени неудач американского капитала утвердиться в русской «сфере влияния» в Китае—Маньчжурии в Соединенных Штатах росли и тревожные настроения по поводу возможных последствий открытия сквозного железнодорожного пути через Сибирь. Представители заинтересованных кругов высказывали недовольство теми ограничениями, которые уже ввело царское правительство на торговлю иностранцев в Приморье, отменив порто-франко во Владивостоке, опасались, что будут закрыты «все сибирские порты» и выражали тревогу по поводу будущего положения США на Востоке.⁵⁴ Настроения подобного рода захватили широкие слои деловых и политических кругов США и получили заметное рас-

⁵⁰ Сенатор Перкинс—Кассини 29 января/8 февраля 1899 г.: АВПР, фонд Посольства в Вашингтоне 1898—1900, д. 142, л. 115.

⁵¹ Письмо российского консульства в Сан-Франциско посольству в Вашингтоне 2/14 ноября 1899 г.: там же, лл. 5, 56.

⁵² Хэй—Кассини 9/21 марта и 3/15 апреля 1899 г.: там же, лл. 187—236.

⁵³ Линдсман—Кассини 27 ноября/9 декабря 1899 г.; член Палаты представителей Джонс—Кассини 6/18 декабря 1899 г.: там же, лл. 654—657, 690.

⁵⁴ W. A. Williams. American Russian Relations 1781—1947. 1952, стр. 35.

пространение в прессе, которая теперь все чаще подвергала обсуждению перспективы пуска Сибирской дороги.

Этому вопросу посвящена была, в частности, целая серия статей, появившихся в ведущих американских газетах и журналах из-под пера широко известного в то время пропагандиста «политики силы» — журналиста Чарльза Конанта, рассматривавшего Россию как неизбежного соперника США. В статье «Россия, как мировая держава», опубликованной в феврале 1899 г. в журнале «Норз Америкен ревью» («North American Review»), превратившемся к этому времени в рупор взглядов Уолл-стрита,⁵⁵ Конант писал, что «Открытие [Сибирской] железной дороги означает, что ресурсы Востока находятся в ее [России] распоряжении», что Россия сможет доставлять на Восток товары «с огромной выгодой по сравнению со своими западными соперниками», что в результате пуска Сибирской дороги будут «перемещены торговые центры Востока» и «созданы новые коммерческие центры в сердце Азии». Выражая настроения американских империалистических кругов, Конант опасался, что «если [в России] будет правительство, которое будет руководствоваться единственной целью — обеспечить национальный прогресс, и если все народы, которыми правит Россия, проявят наилучшую экономическую осведомленность, учитывая почти безграничные естественные запасы, при условии надлежащего оборонования производственных предприятий и наличии накопленного капитала, достаточного, чтобы обеспечить постоянно возрастающий прогресс, Россия обещает в следующем поколении сделаться величайшим соперником англо-саксонской расы в борьбе за коммерческое и военное господство над миром».⁵⁶

Перспектива развития России и роста ее экономики, а также укрепление позиций царизма на Дальнем Востоке как ввиду предстоящего завершения строительства Сибирской дороги, так и в результате «успехов» его экспансионистской политики в Китае, — все это начинало всерьез беспокоить американские империалистические круги. Поэтому наряду со стремлением к сближению с Россией, в котором представители делового мира видели средство осуществления своих планов в отношении развития торговли и эксплуатации минеральных ресурсов, в Америке стали все громче раздаваться голоса с требованием остановить «русское продвижение». И нет ничего удивительного, что требование это исходило прежде всего от рокфеллеровской «Стандард ойл», представителей ведущих железнодорожных группировок и текстильных фабрикантов, сталкивав-

⁵⁵ Ф. Ландберг. 60 семейств Америки. М., 1948, стр. 141.

⁵⁶ North American Review. 1899, February.

шихся с конкуренцией России на рынках Дальнего Востока. Усилиями этой группы дельцов к середине 1898 г. в США была создана так называемая «Американо-Азиатская ассоциация», которая ставила своей целью упрочить положение американского капитала в Китае, требуя от правительства поддержания политики «открытых дверей».⁵⁷ События, однако, показали, что американский капитал имел при этом в виду не только один Китай, но и азиатскую часть России. Когда весной 1898 г. в результате выступлений делового мира в конгресс было внесено предложение о посылке в Китай правительственной комиссии для изучения «возможностей расширения китайского рынка для американских товаров», инициаторы этого предложения, как можно судить по переписке между Государственным департаментом и Министерством финансов, исходили из мысли о том, что «рынки для американской продукции можно легко расширить не только в самом Китае, но и в смежных районах России».⁵⁸ Летом 1898 г. в результате кампании, поднятой в пользу «свободы торговли» в Китае Американо-Азиатской ассоциацией, Филадельфийский коммерческий музей отправил в Китай специальную комиссию, которая должна была вместе с тем исследовать положение на русском Дальнем Востоке.⁵⁹

В многоголосом хоре антирусских выступлений, касавшихся главным образом дальневосточной проблемы, раздавались и призывы не обострять отношений с Россией, не обольщаться по поводу политики Англии и Японии, которые искали в эти годы сближения с Соединенными Штатами на почве борьбы против России. Противники обострения русско-американских отношений подчеркивали еще большую опасность английского и японского соперничества и напоминали о неисчерпаемых возможностях России, которые будут доступны для США, если они будут поддерживать с Россией дружественные отношения.⁶⁰ В частности, поверенный в делах в Петербурге Пирс стремился убедить правительство США в том, что развитие американской торговли в России имеет «исключительно большую важность» и представляет для США «большее значение, чем русская угроза американской торговле в Китае».⁶¹ Однако «важность» рынка России вполне оценивали и представители американского бизнеса, и знаменательно, что почти одновременно с указан-

⁵⁷ Ch. S. Campbell, ук. соч., стр. 25—52.

⁵⁸ Preliminary Examinations and Surveys. 55 congress, 2 Session, House documents, № 536, стр. 5, 2.

⁵⁹ Дешеша Лессара 19/31 августа 1898 г.: АВПР, фонд Китайский стол, д. 1574, л. 8.

⁶⁰ W. A. Williams, ук. соч., стр. 36.

⁶¹ Пирс — Хью 11 октября (н. ст.) 1900 г. Цит. по кн.: W. A. Williams, ук. соч., стр. 36.

ными выступлениями и последовавшим за ними в сентябре 1899 г. провозглашением доктрины «открытых дверей» Соединенные Штаты предприняли попытку сближения с Россией, активизировав ранее начатые переговоры о займе. Обе эти на первый взгляд противоречивые акции по существу были связаны одна с другой, и весьма показательно, что последняя из них была предпринята при участии тех самых сил, которые выступали за провозглашение доктрины «открытых дверей» и расширение возможностей для американской торговли и предпринимательства на Дальнем Востоке. Объяснялось это, как увидим, тем, что США искали сближения с Россией только как средства удовлетворения притязаний американского капитала.

После обсуждения весной и летом 1899 г. вопроса о возможности американского займа России осенью переговоры вступили в новую стадию. В октябре 1899 г. была достигнута договоренность с одной из крупнейших страховых компаний США «Нью-Йорк лайф иншуренс компани» («New York Life Insurance Co.»),⁶² которая предложила Петербургскому международному банку заключить синдикатское соглашение о реализации русского 4%-го железнодорожного займа на сумму 10 млн долл., средства которого должны были пойти на строительство Юго-Восточной и Владикавказской железных дорог.⁶³ Это предложение было встречено с удовлетворением в Петербурге, и небезынтересно, что, получив его и еще не подписав соответствующего соглашения, Ротштейн немедленно написал Шпитцгеру в Париж, чтобы тот, в свою очередь, сообщил Ротшильдам, по-видимому, в расчете использовать это в качестве средства давления на них. Шпитцгер так и сделал, а вслед за тем «поздравлял» Ротштейна с успешным исходом переговоров с «Нью-Йорк лайф» и отмечал, что предложение американцев, «как вы правильно полагаете, живо заинтересовало баронов Альфонса и Эдмонда, которым я отправился лично сообщить об этом факте».⁶⁴ Спустя еще несколько дней, уже после подписания соглашения о займе, Шпитцгер снова посетил одного из Ротшильдов и сообщал Ротштейну, что нашел его «очень возбужденным». С нескрываемым недовольством Ротшильд заявил русскому агенту, что считает американский займ делом «несерьезным», и одновременно предупредил, что в Париже принимаются «строгие меры против русских тиражей».⁶⁵

⁶² Компания эта была моргановской ориентации.

⁶³ Перкинс — Ротштейну 25 сентября/7 октября 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, л. 12.

⁶⁴ Шпитцгер — Ротштейну 11/23 октября 1899 г.: там же, д. 393, л. 34.

⁶⁵ Шпитцгер — Ротштейну 28 октября/9 ноября 1899 г.: там же, лл. 58—59.

Между тем соглашение о займе уже было фактом. Но успех размещения русского займа в Америке, как и судьба последующих операций с русскими ценными бумагами на нью-йоркской бирже зависели прежде всего от того, насколько американскому капиталу удастся реализовать свои расчеты, связанные с расширением американской торговли и предпринимательства в России, а также и от положения дел в Китае. Сама «Нью-Йорк лайф» рассчитывала использовать предоставление займа как средство укрепить свое положение в России, где она имела отделение. Еще накануне заключения займа компания поставила условие царскому правительству, чтобы, кроме нее, не обращались к услугам никакой другой страховой компании США.⁶⁶ А когда летом 1900 г. до Перкинса дошли слухи, что Россия якобы ведет все-таки переговоры с какой-то другой компанией, он немедленно обратился к Ротштейну, и в ответ на поступившее от того опровержение не преминул заметить, что «очень рад» иметь «положительное заверение», что в «Петербурге не ведется никаких переговоров с другими компаниями по страхованию жизни и что никто даже не предполагал вести таких переговоров».⁶⁷ Но особенно показательным в отношении расчетов, которые возлагались американским капиталом на заем 1899 г., были действия одного из крупнейших американских банков — Нэйшнл сити бэнк (National City Bank).

Согласно данным американского историка Корея, Нэйшнл сити бэнк возглавил синдикат по размещению русского займа в Америке.⁶⁸ Этот факт представляет для нас особый интерес, так как в рассматриваемое время указанный банк был тесно связан с рокфеллеровской группировкой, и имя президента банка одного из крупнейших финансовых дельцов Уолл-стрита Стиллмена считалось «синонимом имени Рокфеллера», а самый банк называли не иначе, как «банк Стандарт ойл».⁶⁹ «Это был механизм, — пишет американский историк Джозефсон, — через который осуществлялись крупнейшие предприятия Рокфеллеров».⁷⁰ Хотя мы не располагаем точными документальными данными об указанном синдикате, имеющийся в нашем распоряжении материал может только подтвердить сообщение Корея. В частности, переписка «Нью-Йорк лайф» и Нэйшнл сити бэнк с Петербургским международным банком за указанный период

⁶⁶ Ротштейн — Витте 7/19 октября 1899 г.: там же, д. 5406, лл. 3—5.

⁶⁷ Перкинс — Ротштейну 12/25 сентября 1900 г.: там же, л. 156.

⁶⁸ Л. Корея. Дом Морганов. М.—Л., 1933, стр. 176.

⁶⁹ Ф. Ландберг, ук. соч., стр. 71; М. Josephson. The Robber Barons. The Great American Capitalists (1861—1901). New York, 1934, стр. 399.

⁷⁰ Там же.

показывает, что действия этих американских учреждений были во многом согласованы. Более того, переписка эта позволяет сделать вывод и о значительном сближении между «Нью-Йорк лайф» и Нэйшнл сити бэнк, происшедшем в это время на почве русских дел. Хотя сама по себе ориентация страховой компании и банка к этому вовсе не предрасполагала. Особый же интерес представляет тот факт, что вскоре после заключения займа Перкинс стал одним из директоров Нэйшнл сити бэнк, а Стиллмен — «Нью-Йорк лайф». Оценивая это событие, Перкинс писал Ротштейну о «более близких отношениях между нашей компанией и Нэйшнл сити бэнк». ⁷¹ Наконец, следует сказать, что о создании указанного синдиката, по-видимому, было известно и в Петербурге, о чем можно судить по работам известного знатока финансовой политики царизма П. Мигулина, отмечавшего, что в результате переговоров между Петербургским международным банком и представителями «Нью-Йорк лайф» последняя «уже от себя» снеслась с американскими банкирами. ⁷²

По сведениям Корея, и в указанном синдикате Нэйшнл сити бэнк выступал в качестве представителя Рокфеллера и его нефтяных интересов. Доказательством этому может служить подчеркнутый Кореем факт целевого назначения займа, в основной своей части (6 млн 800 тыс. долл.) предоставленного на строительство железной дороги, которая сооружалась в нефтеносном районе и должна была играть исключительно важную роль в перевозках нефтепродуктов, — факт, который служил иллюстрацией к широко разветвленным интересам компании «Стандард ойл». ⁷³

Но дело не ограничивалось этим, и доказательством тому были дальнейшие действия Нэйшнл сити бэнк, которые он предпринял, вступив в переговоры с представителями русских банков и официальными агентами царского правительства.

Мы уже видели на примере борьбы за германский рынок, что к исходу 1899 г. в результате соглашения об увеличении капитала «Нафтапорты» противники «Стандард ойл» консолидировали свои позиции, поставив Рокфеллера перед перспективой создания против него единого фронта. Эта перспектива стала еще более реальной, когда в августе 1900 г. Нобель и Ротшильд достигли договоренности о совместных действиях на английском рынке и оба вошли в созданную с этой целью компанию «Консолидейтед петролеум компани лимитед» («Consoli-

⁷¹ Перкинс — Ротштейну 2/15 ноября 1900 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, л. 169.

⁷² П. Мигулин. Наша железнодорожная политика и железнодорожные займы. 1893—1902. Харьков, 1903, стр. 37.

⁷³ Л. Корея, ук. соч., стр. 176.

dated Petroleum Co. Limited»)⁷⁴ Угроза объединения противников Рокфеллера была тем более злобещей для «Стандард ойл», что, начиная с 1898 г., добыча нефти в США упала и они вплоть до 1901 г. отставали от России. В России же, наоборот, именно в указанный период создались сравнительно благоприятные условия для развития экспорта нефти. В 1898 г. ряд скважин Бакинского района дал колоссальной величины нефтяные фонтаны, позволившие не только увеличить добычу нефти, но и сократить до минимума производственные расходы при добыче. Важным было и улучшение транспортировки. С 1900 г. была пущена в эксплуатацию часть нефтепровода Баку—Батум, облегчавшая доставку керосина к порту его вывоза, а также введен пониженный тариф на перевозку нефтепродуктов, предназначенных на экспорт в Восточную Европу. Все это повысило конкурентоспособность русской нефти и тем самым значительно увеличило шансы нефтепромышленных компаний в России в борьбе против «Стандард ойл». Перед лицом этого факта агенты Рокфеллера стали скупать крупные партии русского керосина, который обходился дешевле американского, а затем уже сбывать его через свои торговые организации по бросовым ценам.⁷⁵

Ожесточенная конкуренция с русскими нефтепромышленными фирмами на мировом рынке, а с другой стороны, прибыльность ведения дела в России породили среди магнатов американской нефти намерение «участвовать в русской промышленности».⁷⁶

Согласно сведениям, полученным в мае 1898 г. управляющим русским генеральным консульством в Нью-Йорке Вейнером, после состоявшегося у Рокфеллера специального совещания, обсудившего положение американского нефтяного экспорта за границей, было принято решение «взять в свои руки нефтяное дело в России» и с этой целью ассигновано 10 млн долл. (!).⁷⁷ По-видимому, информация Вейнера вполне соответствовала действительности, так как из опубликованных недавно данных архива Рокфеллера видно, что в 1899—1900 гг. в Россию были отправлены эмиссары «Стандард ойл», разведывавшие возмож-

⁷⁴ Текст соглашения см.: ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, д. 1263, лл. 41, 76—100.

⁷⁵ Из письма директора Шанхайского отделения Русско-Китайского банка Верта Ротштейну 4/16 января 1899 г.: там же, ф. 560, оп. 28, д. 539, л. 1.

⁷⁶ R. and M. Hidy. History of Standard Oil Co. of New Jersey, 1882—1911. Pioneering in Big Business, New York, 1955, стр. 510.

⁷⁷ Донесение Вейнера 1/13 мая 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 179, л. 154.

ность приобретения бакинских нефтяных промыслов.⁷⁸ Значительно, что посылка агентов Рокфеллера состоялась непосредственно после того, как России был предоставлен американский заем. Это позволяет предположить, что указанная хронологическая последовательность не была случайной и что между тем и другим фактами существовала определенная связь.

В результате произведенной разведки «Стандард ойл» наметила для покупки три фирмы, «предприятия которых должны были составить базу для объединенного производства», т. е., иначе говоря, положить основу филиалу нефтяной монополии Рокфеллера в России. Агенты «Стандард ойл» вступили в контакт с представителями избранных ими для покупки фирм и хотя установили, что покупка эта может быть произведена только по дорогой цене, Рокфеллер «склонен был начать переговоры».⁷⁹

Однако реализация этого намерения оказалась менее всего связанной со «склонностью» Рокфеллера. Судьбу американского проекта решало отношение к нему царского правительства, бдительно оберегавшего интересы магнатов русской нефти, а в равной степени и действия тех кругов иностранного капитала, которые были заняты в русской нефтяной промышленности, либо тем или иным образом заинтересованы в ней. Поэтому как только сообщение Вейнера достигло Петербурга, русское Министерство финансов озаботилось принятием мер предосторожности и, давая разрешение той или иной иностранной фирме на занятие нефтяным делом в России, тщательно обследовало — не состоит ли эта фирма в контакте со «Стандард ойл»? Особенно внимательно Министерство финансов отнеслось к активности англичан. Одна за другой вновь организованные при помощи английского капитала компании обращались в это время к царскому правительству с просьбой дать разрешение на ведение операций в России, и в Министерстве финансов возникло подозрение: не является ли активность англичан замаскированной формой проникновения «Стандард ойл»? Это подозрение возникло в связи с тем, что образованная в конце 1897 г. английская компания «Рашн петролеум энд ликвид фюел компани лимитед» («Russian Petroleum and Liquid Fuel Co. Limited»), которая приобрела один из крупнейших бакинских промыслов Тагиева, для перевозки производимых ею нефтепродуктов стала использовать транспорты «Стандард ойл».⁸¹⁾

⁷⁸ R. and M. Hidy, ук. соч., стр. 510.

⁷⁹ Там же, со ссылкой на архив Рокфеллера.

⁸⁰ Вестман — Муравьеву 15/17 ноября 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 195, лл. 320—321; Михневич — Жуковскому сентябрь 1903 г.: там же, оп. 24, д. 522, л. 209.

Мы не располагаем данными для того, чтобы судить о том, насколько основательны были опасения Министерства финансов. Возможно, что со стороны Рокфеллера и имели место отдельные попытки проникновения в Россию при помощи английских фирм, но в целом объективное значение притока английского капитала в Россию с точки зрения интересов американского проекта утвердиться в России, равно как и характерное для конца 90-х годов усиление активности английского империализма в борьбе за нефть в масштабе земного шара, было отнюдь не в пользу «Стандард ойл».

Английский капитал и раньше имел определенные интересы в нефтяной промышленности России, так как английские фирмы связаны были постоянными договорными отношениями с компанией Ротшильда на перевозку нефтепродуктов, экспортировавшихся на Восток. Доставка русского керосина в Индию, Японию, Китай, а также для нужд русского Дальнего Востока (через Владивосток) осуществлялась почти исключительно судами английских компаний — «Шелл транспорт энд трэдинг компани» («Shall Transport and Trading Co.») и вошедшей позднее в ее состав «Сэмюэль энд Сэмюэль компани» («Samuel and Samuel Co.»). Скупка англичанами нефтеносных площадей в России знаменовала собой новый шаг на пути усиления позиций английского капитала в русской нефтяной промышленности. Этим шагом было положено основание новой группировке нефтепромышленников в России, выдвинувшейся уже в ближайшие годы в число ведущих и самых сильных.⁸¹ Не менее важным аспектом активности английского империализма в борьбе за нефть были и действия английских компаний на Дальнем Востоке. Именно в рассматриваемые годы были сделаны первые шаги на пути консолидации интересов английского капитала и голландских нефтепромышленных компаний Нидерландской Индии (Индонезии), завершившейся в 1907 г. созданием одной из самых крупных в мире нефтяных монополий — «Ройял Датч шелл» («Royal Dutch Shell»).

Таким образом, в лице английского капитала «Стандард ойл» встретила серьезного конкурента. Хотя в конце 90-х годов между Англией и США произошло значительное политическое сближение, в то же время именно указанные годы характеризовались и углублением англо-американских империалистических противоречий, связанных с борьбой за мировое торговое и промышленное первенство, в которой возрастающее значение приобретал «нефтяной вопрос». И вполне естественно, что раз-

⁸¹ Л. Эвентов. Иностраный капитал в нефтяной промышленности России. 1874—1917. М.—Л., 1925, стр. 32—35.

витне англо-американских отношений оказывало непосредственное воздействие на характер русско-американских отношений, убедительное доказательство чему давал и дальнейший ход переговоров между русскими и американскими банками.

В январе 1900 г. в Нью-Йорк прибыл представитель Петербургского международного банка Коробков, на которого была возложена задача доставить облигации железнодорожного займа, а также выяснить возможности дальнейших операций на нью-йоркской бирже. В связи с этим Коробков имел полномочие от Ротштейна обсудить с американскими банкирами возможность русско-американского соглашения о совместных банковских операциях. Вопрос этот возник не впервые, а уже являлся предметом переговоров в 1896 г., будучи выдвинут по инициативе одного из крупнейших филаделфийских банков — Форз стрит нэйшнл бэнк (Fourth Street National Bank). Банк этот был тесно связан с занимавшейся поставками в Россию железнодорожного оборудования и державшей в своих руках акции Никополь-Мариупольского металлургического завода «Рашн Амэрикен мануфекчуринг компани» («Russian American Manufacturing Co.») и был заинтересован в расширении операций этой компании. В мае и октябре 1896 г. управляющий иностранным отделением Форз стрит нэйшнл бэнк (Fourth Street National Bank) Ф. Г. Роджерс дважды обращался к Ротштейну, выражая готовность взять на себя проведение операций русских банков в Америке. В компенсацию за это Роджерс просил, чтобы Ротштейн как лицо, связанное с Русско-Китайским банком, «оказал содействие» распространению услуг этого банка на американцев.⁸²

По-видимому, Ротштейн уже тогда заинтересовался этим предложением прежде всего с точки зрения возможности получения кредита, необходимого для расчетов по русским промышленным заказам в США. Поэтому в начатых вскоре после обращения Роджерса устных переговорах с вице-президентом «Рашн Амэрикен мануфакчуринг компани» Е. Д. Смитом Ротштейн предложил увеличить капитал этой компании за счет привлечения к участию в ней ведущих американских банков. Нам известно, что с этой целью Смит в декабре 1896 г. встречался с Морганом и представителями рокфеллеровской «Стандард ойл» и обсуждал с ними вопрос о «создании условий для расширения будущих (американских) предприятий в России и Китае». «Со времени моего возвращения в Америку, — писал Смит, — я практически ничем другим не занимался, кроме рус-

⁸² Роджерс — Ротштейну 25 апреля/7 мая и 8/20 октября 1896 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 404, лл. 1—3.

ских дел, выгодность которых настолько превзошла наши самые оптимистические предположения, что сделала возможным, по моему мнению, так усилить наши позиции, что мы сможем участвовать и сотрудничать в будущих предприятиях в России, равно как и в Китае». После четырех свиданий с Морганом у Смита сложилось твердое убеждение, что Морган «чрезвычайно заинтересован в этом деле», доказательством чему была его готовность предоставить компании часть необходимых средств.⁸³ Заинтересовались предложением Смита также и люди «Стандард ойл».⁸⁴

Однако переговоры эти оборвались ввиду того, что русская сторона не проявила достаточного желания пойти навстречу американским интересам.⁸⁵ Тем не менее Ротштейн решил вернуться к проекту русско-американского банковского соглашения и с этой целью еще в сентябре 1899 г. во время переговоров о займе с уполномоченным Моргана Портером выдвинул, в развитие прежнего американского предложения, план организации в Нью-Йорке филиала Международного банка, который должен был, по его замыслу, находиться «в тесных отношениях (in connection)» с «финансовым учреждением [Моргана] в этом городе». Оценивая заинтересованность американских банков, Ротштейн подчеркивал «важность таких отношений (such connection) для американской торговли на Дальнем Востоке», чем, как видно из последующей переписки с Портером, и «произвел впечатление» на Моргана.⁸⁶ Однако указанный проект перешел вскоре на обсуждение с Нэйшнл сити бэнк.

Когда по прибытии в Нью-Йорк Коробков в соответствии с полученными им от Ротштейна полномочиями обратился к Стиллмену, последний сразу поддержал его инициативу. Об интересе, который вызвало обсуждение указанного вопроса в Нью-Йорке, Ротштейну было известно из переписки с Перкинсом, который, узнав о переговорах Коробкова со Стиллменом, «горячо» поздравлял Ротштейна с тем, что они ведутся именно со Стиллменом. «Мы, нью-йоркские бизнесмены, — писал Перкинс, — рассматриваем г. Стиллмена как самого выдающегося банкира сегодняшнего дня в этом городе. Вероятно, вы не могли бы найти никого другого в Нью-Йорке, с кем было бы выгоднее для вас поддерживать связи, чем с ним». Вместе с тем Перкинс просил Международный банк не забыть и о его компании. «Наша компания и каждый из ее представителей

⁸³ Смит — Ротштейну 2/14 декабря 1896 г.: там же, д. 1001, лл. 3—5.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, л. 6.

⁸⁶ Портер — Ротштейну 26 октября/7 ноября 1899 г.: там же, ф. 626, оп. 1, д. 430, л. 10.

в отдельности, — писал он, — очень сильно заинтересованы в исходе предложения организовать русско-американский банк в Америке. Мы готовы внести свою долю, чтобы обеспечить его успех. Я уже говорил об этом г. Коробкову и хочу повторить это письменно непосредственно вам».⁸⁷ Ротштейн тогда же ответил Перкинсу, но пока в самой общей форме, что проект банка «встретил мое полное одобрение». «Мы будем изучать его, — писал он, — и надеемся вскоре к нему вернуться».⁸⁸ Что же касается Стиллмена, то и ему сразу по возвращении из Нью-Йорка уже после первого разговора с Ротштейном Коробков ответил в общих выражениях,⁸⁹ а более подробный ответ задержал на то время, которое понадобилось Ротштейну, чтобы «изучить» результаты нью-йоркских переговоров с директором Шанхайского отделения Русско-Китайского банка Вертом, а также выяснить отношение к ним царского правительства. Процедура эта заняла почти месяц, и только в начале мая 1900 г. русская сторона готова была «вернуться» к дальнейшему обсуждению проекта русско-американского банка.

В результате произведенного обмена мнениями Стиллмену было направлено письмо с изложением условий, на основе которых русская сторона готова была продолжить переговоры и заключить соглашение с Нэйшнл сити бэнк. Ротштейн предлагал «для начала» ограничить размер капитала проектируемого банка 5 млн р., исходя при этом из того, что 50% должен был внести «Стиллмен и его партнеры», а остальные 50% — «Русско-Китайский банк со своими партнерами». Предвидя, однако, что ограниченный размер предприятия может охладить интерес американцев к соглашению с русскими банками, Коробков ставил в известность Стиллмена о том, что в дальнейшем можно будет рассмотреть вопрос об удвоении капитала банка, а чтобы показать, насколько серьезный характер придает русская сторона указанному предприятию, сообщал, что царское правительство «весьма вероятно внесет деньги вместе с нами (банкирами, — А. Ф.)». Согласно уже достигнутой в Нью-Йорке договоренности предлагалось, чтобы в основу устава нового банка был положен устав Русско-Китайского банка и чтобы правление вновь организуемого банка находилось в Петербурге. При этом имелось в виду, что состав правления банка будет наполовину из американцев, а наполовину из членов Русско-Китайского банка и, кроме того, будет включать в себя одного

⁸⁷ Перкинс — Ротштейну 7/20 марта 1900 г.: там же, д. 486, л. 97.

⁸⁸ Ротштейн — Перкинсу 18/31 марта 1900 г.: там же, л. 94. — Разрядка моя, — А. Ф.

⁸⁹ Коробков — Стиллмену 24 марта/6 апреля 1900 г.: там же, ф. 626, оп. 1, д. 434, л. 5.

или двух членов из числа директоров Русско-Китайского банка на Дальнем Востоке (речь шла о Покотилове и Верте), что создавало известный перевес русской стороне. Что же касается Нью-Йорка, то там предполагалось создать комитет, членом которого, в соответствии с требованием Стиллмена, надлежало «обеспечить с самого начала почетное положение». Новому банку предстояло вступить в картельные отношения с Русско-Китайским и Международным банками, а его основная задача должна была заключаться в том, чтобы «самым решительным образом соблюдать русские интересы» и распространять русские ценные бумаги в Америке. С другой стороны, на нью-йоркский комитет этого банка возлагалось проведение операций по финансированию американской торговли с Китаем и Сибирью.⁹⁰ Последнее и составляло для американской стороны главный интерес всего соглашения.

Однако в Петербурге не было твердой уверенности в том, что все перечисленные условия встретят безоговорочное признание американской стороны и потому в первом же письме Стиллмену был поднят вопрос о необходимости личного свидания с ним для окончательного обсуждения этих условий.

Когда писались эти строки, в Петербурге, по-видимому, уже был решен вопрос о поездке в Америку Ротштейна, который рассчитывал заключить на нью-йоркской бирже новый крупный заем. И действительно, через месяц, 8 июня (н. ст.) 1900 г., Ротштейн уже сходил по трапу трансатлантического парохода на американский берег под бурные рукоплескания представителей бизнеса, рассчитывавших, что переговоры с русским банкиром откроют перед ними новые возможности в области торговли и капиталовложений. Пресса, оплаченная заинтересованными компаниями и банками, захлебываясь от восторга, описывала огромные возможности для американского капитала в России и не скупилась на похвалы Ротштейну. Одна из нью-йоркских газет, называя Ротштейна «великим банкиром», подчеркивала тогда, что «без помощи и совета Ротштейна» царский министр финансов Витте «ничего не делает» и что, поскольку Витте «держит в своих руках шнурки от кошелька Российской империи» и оказывает влияние на «все отрасли имперской администрации», значение Ротштейна будет «без труда оценено».⁹¹

⁹⁰ Коробков — Стиллмену 23 апреля/6 мая 1900 г.; см. также Ротштейн — Верту 11/24 апреля 1900 г.: там же, лл. 6—10.

⁹¹ См. газетную вырезку: там же, д. 1734, л. 4. Статьи, посвященные приезду Ротштейна, поместили «Мэйл энд экспресс» («Mail and Express»), падкая на сенсации херстовская «Нью-Йорк джорнал» («New York Journal»), газета Перкинса «Ивнинг мэйл» («Evening Mail»), «Нью-Йорк Пресс» («New York Press») и др.

Правда, сам Ротштейн в интервью корреспонденту «Мэйл энд экспресс» («Mail and Express») заявил, что он не является «ничьим агентом», а надеется установить «тесные отношения с некоторыми ведущими банками и банковскими фирмами в Нью-Йорке» лишь от лица «одного из банков, находящихся под его управлением», чтобы дать возможность этому банку «получить от этого выгоду, а также помочь и вам, в особенности в содействии вашим коммерческим отношениям с Китаем». Это последнее, надо полагать, не без расчета, Ротштейн подчеркивал всякий раз. И теперь заявил корреспонденту, что именно желание решить указанный вопрос «привело» его в Америку и что в Китае имеются «исключительно широкие возможности».⁹² На самом деле это была лишь приманка для американских банкиров, при помощи которой Ротштейн надеялся завлечь их в свои сети и склонить предоставить России новый заем.

Переговоры на Уолл-стрите показали, однако, что американские банки достаточно трезво оценивают обстановку и твердо знают, чего они хотят от России. Хотя Морган и демонстрировал свое «крайнее расположение» к Ротштейну и приступил к переговорам с ним о займе, обсуждать проект русско-американского банка он отказался.⁹³ Что же касается Стиллмена, то и он при первом же свидании с Ротштейном заявил русскому банкиру, что, хотя «финансовые сделки с частными лицами и в первую очередь с Морганом выполнимы», он лично усматривает «большие трудности в том, чтобы заинтересовать Америку в иностранных ценностях». Поэтому, говорил он, «весьма сомнительно, поможет ли здесь какой-либо банк». К тому же Стиллмен доказывал Ротштейну, что соглашение с Нейшл сити бэнк о создании русско-американского банка может повредить его переговорам с Морганом о займе. «После того как Морган высказался против банка, — записал результат обсуждения этого вопроса Ротштейн, — слишком близкие связи со Стиллменом могли бы неприятно подействовать на Моргана».⁹⁴ Так при помощи различных уловок Стиллмену удалось отклонить русский проект и, хотя Ротштейн отметил в своих записях: «Форму дальнейших решений оставляют за собой», американский банкир постарался перехватить инициативу переговоров. С ловкостью опытного и умелого дельца Стиллмен ухватился за изложенные ему русской же стороной соображения относи-

⁹² Evening Mail, 1900, 13 июня.

⁹³ Записи Ротштейна о переговорах с американскими банкирами: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1734, лл. 46—47.

⁹⁴ Там же, л. 47.

тельно характера финансирования торговых операций с Россией и Китаем, т. е. то, что составляло в американском понимании смысл всей затеи с банком, и сумел свести к этому все дальнейшее обсуждение. По впечатлению Ротштейна, данный вопрос «крайне интересовал Стиллмена», однако, по его мнению, судил Стиллмен об этом вопросе «несколько по-дилетантски».⁹⁵ Показал ли себя Стиллмен действительно дилетантом, или впечатление Ротштейна было данью распространенному в то время в европейском мире взгляду на американцев, как на «выскочек», а может быть и сам Стиллмен по каким-либо соображениям решил разыграть из себя «дилетанта» — трудно сказать, какой из перечисленных вариантов имел место на самом деле. Но несомненно одно, что в переговорах с Ротштейном — банкиром с европейской известностью, имевшим за своими плечами опыт маклерства на лондонской и берлинской биржах, а затем около 20 лет занимавшим ведущие посты в русских банках, «дилетант» Стиллмен настойчиво добивался и в конечном итоге добился соответствующего соглашения. Как видно из записей Ротштейна, в результате первого свидания со Стиллменом было условлено «подумать над этим проектом», в котором, как стало известно Ротштейну «со стороны», Стиллмен был «очень заинтересован», а уже при следующей встрече была достигнута и окончательная договоренность. «Прихожу к соглашению с „National City Bank“ о сделке за совместный счет с Русско-Китайским и Международным банком», — записал Ротштейн на этот раз.⁹⁶

Какие же перспективы открывало новое соглашение для русской и американской сторон, какие изменения должно было внести в их отношения? Для России значение данного соглашения состояло прежде всего в том, что Нэйшнл сити бэнк брал на себя кредитование русских промышленных заказов, главным образом заказов на железнодорожное оборудование в Америке, которые приняты в рассматриваемое время довольно значительные размеры. Комментируя эту часть соглашения, нью-йоркская газета «Пресс» («New York Press») после интервью, полученного ее корреспондентом у Ротштейна, писала, что «деловые операции между нашей страной и Россией, которые предполагаются в связи с сооружением и оснащением железнодорожной системы России» и которые «обещают быть гораздо более грандиозными, чем любые операции, имевшие место до сих пор», требуют перестройки системы их финансирования. Как можно видеть уже из приведенного высказывания, решение этого вопроса не было безразличным и для американ-

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же, л. 50.

ской стороны, так как должно было расширить условия сбыта американской продукции. При этом, если судить по статье «Нью-Йорк пресс», американская сторона исключала регулирование русско-американской торговли путем соответственного увеличения русского импорта в Америку, а исходила из того, что «баланс этой внешней торговли будет, вероятно, очень благоприятным для нас».⁹⁷ Таким образом, указанное соглашение, облегчая размещение русских промышленных заказов в Америке, вместе с тем неизбежно вело к усилению внешне-экономической зависимости России. Таков был порочный круг политики царизма, что, принимаемые меры к экономическому развитию страны, чему казалось бы должны были способствовать заказы на промышленное оборудование для железных дорог, оказывались сопряженными с еще большим усилением финансово-экономической зависимости России и вели к ее дальнейшему подчинению западному империализму.

Что же касается американской стороны, то смысл рассматриваемого соглашения для нее вовсе не исчерпывался уже названным вопросом о расширении условий торговли с Россией. Не менее важное значение имело и то, что касалось операций в Китае.

До сих пор торговля Соединенных Штатов Америки в Китае в значительной степени зависела от английского капитала, так как финансирование американского экспорта в Китай осуществлялось, как правило, английскими банками. С этим связано было и то обстоятельство, что американские товары для Китая шли транзитом через Лондон, а затем уже через Гибралтар и Суэцкий канал доставлялись на Восток. Значительная часть такого рода перевозок производилась английскими судами, а сбыт американских товаров в китайских портах, как правило, осуществлялся через утвердившиеся там английские фирмы. Даже «Стандард ойл», располагавшая собственным флотом наливных судов и имевшая в ряде китайских портов собственных агентов, вынуждена была прибегать к услугам английского капитала. Соглашение, заключенное Стиллменом с Ротштейном, исходило из мысли о такой перестройке системы финансирования американской торговли на Востоке, которая позволила бы сбросить с нее пути английской зависимости.

Стремление американского капитала выйти из-под финансового контроля Лондона было одним из проявлений возросшего англо-американского соперничества, которое приняло в рассматриваемые годы невиданно острые формы. Еще в 1895 г. американский консул в Китае Фаулер отмечал, что «самая

⁹⁷ New York Press, 1900, 22 июня.

большая ошибка» американцев на Востоке заключается в том, что они действуют через английские фирмы и английских агентов. «Наши судоходные линии, — писал Фаулер, — наша нефть, страхование, машины, мука и хлопок — фактически вся наша торговля, представлены британскими купцами, которые, в свою очередь, покупают шелк, чай, изделия из соломки, шерсть, меха и другие товары, а затем продают их нам по повышенным ценам и везут в США под своим собственным флагом».⁹⁸ Высказывание Фаулера совпадало с широко распространенными в это время в заинтересованных капиталистических кругах «патриотическими» призывами обеспечить самостоятельное представительство американских интересов в Китае, призывами, которые к концу 90-х годов все чаще можно было услышать в выступлениях представителей делового мира, а также прочесть на страницах газет и журналов. При этом «патриотизм» американского бизнеса не ограничивался словесными выступлениями, а заключал в себе и вполне определенные практические попытки. Так, например, еще летом 1895 г. была сделана попытка организовать регулярные пароходные рейсы через Тихий океан в составе кругосветной пароходно-железнодорожной линии, спроектированной одним из крупнейших железнодорожных магнатов США — Хантингтоном. Попытка эта оказалась мало реальной и успехом не увенчалась,⁹⁹ но летом 1899 г., буквально накануне предоставления займа России, этот же вопрос был снова возбужден специально составленным синдикатом «Америкэн оушен нэвигейшн энд констракшн компани» (American Ocean Navigation and Construction Co.), представители которого обратились через Государственный департамент США к Министерству финансов России с просьбой оказать содействие их проекту и подчеркивая, что организацию запроектированных ими линий предполагается приурочить к пуску первого сквозного поезда через Сибирь.¹⁰⁰ Как только известие об американском предложении достигло Международного банка, находившийся в то время в Петербурге Шпитцер послал соответствующее сообщение отдыхавшему на австрийском курорте Ротштейну. «Стоит вопрос, — писал Шпитцер, — об устройстве прямого пароходного сообщения между Тихоокеанским побережьем Америки и Сибирью», а далее отмечал,

⁹⁸ Донесение Фаулера из Нинбо 28 июня (н. ст.) 1895 г.: Consular reports, v. LII, стр. 68.

⁹⁹ Сообщение об этом проекте взято нами из «Чайна мэйл» («China Mail») 1895, 28 сентября, которая перепечатала его из нью-йоркской газеты «Уорлд» («World», 1895, 31 августа).

¹⁰⁰ Предложение «Америкэн оушен нэвигейшн энд констракшн компани» см.: ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 3, д. 1225.

что «в будущем американцы рассчитывают вступить в Европу через Сибирскую железную дорогу».¹⁰¹ По-видимому, такая перспектива никого не прельстила в Петербурге, ибо русское Министерство финансов вынесло решение отклонить предложение американского синдиката, как несоответствующее интересам России.¹⁰² Так окончилась неудачей и эта попытка американского капитала упрочить свои позиции на Дальнем Востоке.

Следующий шаг в этом направлении был уже связан с переговорами Стиллмена и Ротштейна, когда было достигнуто указанное соглашение о перестройке системы финансирования американского экспорта, который должен был теперь, минуя Лондон, из Нью-Йорка направляться в Шанхай. «Наша цель, — писал Стиллмен, формулируя результаты достигнутого им с Ротштейном соглашения, — состоит в том, чтобы отвлечь от Лондона финансирование экспорта из Америки в Китай и Восточную Азию в целом, осуществляя финансирование непосредственно».¹⁰³ Практическое претворение в жизнь этого намерения означало, что передаточные векселя (тратты), выставленные американскими экспортерами до сих пор на Лондон, должны были теперь учитываться, минуя Лондон, непосредственно в Китае Шанхайским отделением Русско-Китайского банка. Приобретение таких векселей должно было производиться «за общий счет» Нэйшнл сити бэнк и Русско-Китайского банка Шанхайским отделением последнего. Средства же для этого должен был «обеспечить по умеренному проценту» американский банк. Соглашение допускало и другой вариант, а именно, что эти средства будут выделены каждой из сторон «в соответствии с ее собственной долей», из чего следовало, что русская сторона должна была нести расходы, соответствующие доле ее заинтересованности в торговых операциях с Америкой, но, как подчеркивалось там же, «главное заключалось в том, чтобы извлечь выгоду из низких процентов на нью-йоркском денежном рынке».¹⁰⁴

Таким образом, по существу речь шла о создании русско-американского банковского объединения для Дальнего Востока, в котором американский капитал претендовал на инициативную роль.

¹⁰¹ Шпитцер — Ротштейну 16/28 августа 1899 г.: там же, ф. 626, оп. 1, д. 282, л. 197.

¹⁰² Там же, ф. 95, оп. 3, д. 1025.

¹⁰³ Стиллмен — Ротштейну 29 июня/12 июля 1900 г.: там же, ф. 626, оп. 1, д. 434, л. 13.

¹⁰⁴ Там же.

Рассматриваемые годы были характерны для США сравнительно выгодными условиями денежного рынка и были отмечены, как мы уже видели, ростом кредитных операций американских банков, в том числе и на международной арене. Вслед за предоставлением займа России Уолл-стрит разместил на американском денежном рынке крупные займы Англии и Германии. Успех этих операций, в особенности предоставление займа Англии, от которой США сами до сих пор зависели в финансовом отношении, так вскружил голову американским финансистам, что им уже казалось почти достигнутой цель завоевания мирового первенства.¹⁰⁵ Описывая настроения, вызванные в Америке успехом английского займа, Перкинс в одном из своих писем Ротштейну сообщал, что вопрос этот «вызвал значительное количество благоприятных комментариев во всех наших газетах» и что широко распространено убеждение, что Нью-Йорку уготована роль «весьма важного финансового центра». Эти настроения вполне разделялись и автором уже цитированной статьи в нью-йоркской «Пресс», посвященной итогам переговоров между Сталлменом и Ротштейном. Претенциозно озаглавленная — «Этому городу суждено стать финансовым центром мира», статья заявляла, что реализация достигнутого соглашения превратит Нью-Йорк в «расчетную палату» для операций между США, Россией и Востоком, «подобно тому как в течение веков Лондон являлся расчетной палатой для огромного большинства всех коммерческих и финансовых операций мира».¹⁰⁶

Что же касается роли, которую должна была по американскому замыслу играть русская сторона, то она полностью укладывалась в концепцию политики «открытых дверей», которая усилиями представителей делового мира и в первую очередь группировки Рокфеллера стала к этому времени государственной политической доктриной американского империализма. Более того, русско-американское банковское соглашение по существу являлось попыткой практического претворения доктрины «открытых дверей». Еще в разгар дипломатических переговоров о доктрине представитель Государственного департамента Рокхилл в беседе с русским посланником Кассини решительно отклонил предположение посланника о том, что выступление США инспирировано Англией, дав понять, что если Соединенные Штаты Америки и действовали заодно

¹⁰⁵ A. D. Noyes. Forty years of American Finance. New York — London, 1909, стр. 282—283.

¹⁰⁶ Перкинс — Ротштейну 11/24 июля 1900 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, л. 138.

с Великобританией в этом вопросе, то только по тактическим соображениям. Рокхилл заявил Кассини, что, «если бы Англия оказалась нерасположенной» к доктрине, Россия сама могла бы выступить совместно с Соединенными Штатами и что, если бы она первой признала доктрину, это был бы «благоприятный момент оказать на нее (Англию, — А. Ф.) давление» и «влиять на окончательное признание политики „открытых дверей“ всеми державами».¹⁰⁷ Ответ Рокхилла едва ли был простой дипломатической отговоркой. Если на протяжении 1898—1899 гг. между США и Англией произошло значительное сближение, то начиная с конца 1899 г. в англо-американских отношениях наступило заметное охлаждение, продолжавшееся вплоть до середины 1901 г., когда уступкой Соединенным Штатам в вопросе о строительстве Панамского канала английское правительство добилось улучшения отношений между двумя странами.¹⁰⁸ Главное же заключалось в том, что из опыта соперничества на мировой арене в Соединенных Штатах уже хорошо знали, что теперь, когда Англия утратила промышленное превосходство, от нее трудно ожидать приверженности политике «свободы торговли», и поэтому использовали поддержку Англии в данном вопросе лишь как средство осуществления своих империалистических планов и прежде всего как средство принудить Россию согласиться с доктриной «открытых дверей». После того же как Россия, хотя и с большими оговорками, признала доктрину, США показали, что они готовы снять свои возражения против политики царизма на Востоке, если американскому капиталу будут гарантированы «равные возможности» и «открытые двери». Особенно показательными были в этом отношении действия США во время антиимпериалистического восстания Ихэтуань 1900 г. и в ближайший период после него, когда напуганные ростом освободительного движения китайского народа Соединенные Штаты предприняли ряд попыток сближения с Россией в интересах консолидации сил международного империализма. Так, например, в августе 1900 г. всего лишь через месяц после рассылки державам так называемого «циркуляра Хэя», в котором в развитие доктрины «открытых дверей» содержался призыв не нарушать целостность китайской территории, США в нарушение этого своего призыва обратились к России с просьбой содействовать им в приобретении военно-морской базы в маньчжурском порту

¹⁰⁷ Рокхилл — Хэю 12 декабря 1899 г. (н. ст.): P. Varg. *Open Door Diplomat. Urbana*, 1952, стр. 34.

¹⁰⁸ Ch. S. Campbell. *Anglo-American Understanding. 1898—1903. Baltimore*, 1957, стр. 209, 240.

Циньвандао.¹⁰⁹ А несколько позднее, в период переговоров о Маньчжурии, заявили, что они готовы согласиться даже с присоединением Маньчжурии к России, лишь бы на этой территории применялся принцип «открытых дверей».¹¹⁰ «Министр иностранных дел в конфиденциальных беседах с нашим послом в Вашингтоне, — доносил тогда русский финансовый агент в Америке Рутковский, — начал заявлять, что правительство Соединенных Штатов вовсе не заинтересовано в том, останется ли Маньчжурия в руках Китая или перейдет к России, что оно лишь хлопочет, чтобы за гражданами Соединенных Штатов была сохранена свобода торговли в Маньчжурии, даже если бы Маньчжурия стала русской территорией».¹¹¹ Этому направлению в американской политике и отвечало русско-американское банковское соглашение, рассчитанное на то, чтобы путем соглашения с русскими банками обеспечить благоприятные условия для американской экспансии в Китае и России.

При этом важно отметить, что и в России (так же, как и в Китае) американский капитал видел прежде всего выгодное поприще эксплуатации — неисчерпаемый источник сырья и обширный рынок сбыта. В этом легко было убедиться на примере обращения к Ротштейну, во время его пребывания в Нью-Йорке, представителей «Спэниш-америкэн майнинг компани» («Spanish-American Mining Co.») с просьбой оказать содействие в получении разрешения на эксплуатацию рудных залежей в Сибири и прямой ссылкой на то, что эта компания уже имеет подобного рода опыт в результате своей деятельности в американской колонии Порто-Рико.¹¹² Да и сам Ротштейн отлично понимал, что предпринятая им попытка получить на американской бирже денежный заем сопряжена с необходимостью уступить американскому капиталу, и поэтому в марте 1901 г., для того чтобы склонить Morgana предоставить России заем, предложил американскому «Стальному тресту» («United States Steel Corporation»), воспользовавшись начавшимся в России экономическим кризисом, приобрести Никополь-Мариупольское предприятие — один из крупнейших металлургических заводов России.¹¹³ Правда, продажа Никополь-Мариупольского завода не

¹⁰⁹ Телеграмма Алексева из Тяньцзина 16/29 августа 1900 г.; Тывтов — Ламэдорфу 23 августа/5 сентября 1900 г. АВПР, фонд Китайский стол, д. 1484, лл. 7, 11.

¹¹⁰ Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии, стр. 304—305.

¹¹¹ Рутковский — Витте 9/22 мая 1901 г.: ЦГИАА, ф. 560, оп. 29, д. 89, лл. 4—5.

¹¹² См.: там же, ф. 626, оп. 1, д. 1734, л. 11.

¹¹³ Ротштейн — Перкинсу 16/29, 17/30 марта 1901 г.: там же, д. 486, лл. 208, 211.

состоялась, но это не меняет того положения, что планы американского капитала в отношении России неизбежно влекли за собой экономическое закабаление страны и превращение ее в полуколониальный придаток западного империализма. В этой связи уместно привести высказывание посетившего в 1901 г. Россию известного американского сенатора Бевериджа, который прямо заявлял, что «вся Восточная Сибирь до Иркутска — наш естественный рынок».¹¹⁴ Заявление Бевериджа — одного из идеологов американского империализма, представляет тем больший интерес, что он находился в самых тесных отношениях со Стиллменом и Перкинсом и его поездка была предпринята при их активной поддержке. Об этом свидетельствует факт обращения Стиллмена и Перкинса к Ротштейну с просьбой оказать всемерное содействие Бевериджу.¹¹⁵ Правда, в этих обращениях подчеркивалось, что Беверидж отправляется в Россию как обычный путешественник. Но по возвращении в США его впечатления об этой поездке были опубликованы в финансируемом Перкинсом «Сатэрдей ивнинг пост» («Saturday Evening Post»), а уже затем вышли отдельной книгой. Между тем из переписки Перкинса нам известно, как оплачивались статьи Бевериджа, по примеру его очерка, напечатанного в 1900 г. в том же журнале в связи с предоставлением займа России, когда 1 тысячу долларов Беверидж получил из кассы журнала, а другую — от компании Перкинса.¹¹⁶ Не секрет и то, что на протяжении многих лет в дальнейшем Перкинс поддерживал тесные связи с Бевериджем и финансировал его.¹¹⁷

В опубликованных после возвращения в США очерках Беверидж, касаясь проблемы англо-американских отношений, отмечал возросшую конкурентоспособность промышленной продукции США по сравнению с английской продукцией. «Америка, — писал он, — имеет возможность конкурировать с Англией не только на мировых рынках, но и в сердце самого Лондона».¹¹⁸ В связи с этим, а также оценивая британскую политику создания «сфер влияния», Беверидж писал, что «трудно поверить, что Англия будет настаивать на „открытых

¹¹⁴ A. J. Beveridge. The Russian Advance. New York, 1903, стр. 206.

¹¹⁵ Стиллмен — Ротштейну 4/17 мая 1901 г.; Перкинс — Ротштейну 2/15 мая 1901 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 434, лл. 66—68; д. 486, л. 235. В 1901 г. наряду с Бевериджем Россию посетил Ф. Вандерлип — лицо, тесно связанное со Стиллменом, заменившее несколькими годами позже Стиллмена на его посту президента Нэйшнл сити бэнк. Вандерлип также был снабжен рекомендациями Стиллмена и Перкинса.

¹¹⁶ Перкинс — Ротштейну 3/16 марта, 27 мая/9 июня 1900 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, лл. 92, 121.

¹¹⁷ Ф. Ландберг, ук. соч., стр. 136.

¹¹⁸ A. J. Beveridge, ук. соч., стр. 167.

дверях“ в Китае». ¹¹⁹ Очерки Бевериджа содержали обширные сведения об экономических возможностях России, состоянии вооруженных сил и, в частности, подробное описание положения русских войск на Дальнем Востоке. Значительное место в очерках отводилось также политическим порядкам царской России, и в этой связи уместно сказать, что планы американского империализма в отношении России, так же, как это было и в Китае, не исчерпывались одной экономической экспансией, а содержали в себе определенную политическую программу.

В американской прессе нередко можно было прочесть критику в адрес режима царизма, а представители делового мира сплошь и рядом жаловались на «деспотический характер» царского законодательства. ¹²⁰ Но критика эта, как правило, носила демагогический характер и служила средством апологии «американской демократии». По существу же американский капитал был заинтересован в сохранении и упрочении положения царизма, так как при всех «минусах» царского законодательства последнее давало вполне благоприятные возможности для проникновения иностранного капитала в Россию. Поэтому вполне закономерно, что, когда весной 1901 г. в России поднялась волна массового революционного движения, события эти вызвали серьезное беспокойство в заинтересованных капиталистических кругах. «Я был бы абсолютно уверен в полном успехе всего предприятия (распространения облигаций русского займа, — А. Ф.), — писал Перкинс, — если бы наши газеты не были в эти дни до предела заполнены отвратительными слухами относительно серьезных беспорядков в России, которые могут в любой момент привести к свержению правительства». ¹²¹ Показательно, что и очерки Бевериджа выдержаны были в весьма благоприятных тонах в отношении царизма, в котором он «нашел много положительного». Что же касается предположений о возможности революции в России, то их Беверидж считал «дикими, абсурдными и нездоровыми». ¹²²

Оценивая американскую политику «открытых дверей» в Китае, мы наряду с ее экономической стороной подчеркиваем стремление США упрочить положение правящей Маньчжурской династии, которая являлась гарантом выполнения навязанных Китаю кабальных соглашений, а вместе с тем служила барьером против революционного движения. Приведенный материал по-

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ См.: R. and M. Hidy, ук. соч., стр. 510.

¹²¹ Перкинс — Ротштейну 22 марта/4 апреля 1901 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, л. 214.

¹²² Цит. по кн.: А. В а б е у, ук. соч., стр. 118.

казывает, что эта тенденция в американской политике распространялась также и на Россию.

Как видно, американский капитал имел в отношении России обширную программу, реализации которой должно было послужить заключенное банковское соглашение. Правда, предстояло еще претворить это соглашение в жизнь, но уже и сам по себе факт его заключения был важным шагом, и, отмечая достигнутый успех, Стиллмен накануне отъезда Ротштейна из Нью-Йорка устроил в его честь обед, на который были приглашены представители заинтересованных монополий. Здесь были: Морган, представитель рокфеллеровского центра Х. Роджерс, железнодорожные магнаты Гарриман и автор проекта кругосветного сообщения Хантингтон, представитель «Америкэн Чайна дивелопмент компани» Уитридж, глава одной из самых крупных торговых компаний США «Америкэн трэдинг компани» («American Trading Co.») Флинт и др.¹²³ Это были те самые силы, которые вызвали к жизни доктрину «открытых дверей» и которые надеялись теперь пожинать ее плоды.

Доказательство этому давали как уже перечисленные выше факты, так и ряд других проявлений американской активности в отношении России. Например, Флинт непосредственно после встречи у Стиллмена обратился к Ротштейну с просьбой содействовать расширению операций представляемой им компании в России и Китае. Сразу после отъезда Ротштейна Флинт направил в Петербургский международный банк письмо, в котором предлагал организовать поставки артиллерии и военных судов России, необходимые «на случай военных осложнений на Востоке», имея при этом в виду продолжающееся восстание в Китае. В своем письме Флинт отмечал, что он уже имеет опыт подобного рода операций, так как «накануне объявления испано-американской войны действовал в качестве тайного агента правительства Соединенных Штатов в переговорах о покупке военных судов», и прилагал в письме Ротштейну копию адресованной ему Морским министерством США благодарности «в знак признания моих услуг в этом отношении». Кроме того, Флинт отмечал, что он крайне заинтересован в торговле с Китаем, и при этом подчеркивал свои близкие отношения с посланником Соединенных Штатов в Китае Конжером, которого называл своим «личным другом». «Накануне отъезда в Пекин, — писал Флинт, — я дал ему обед в той же самой комнате, в которой принимал вас г. Стиллмен, в присутствии многих тех же самых джентльменов». Флинт обращался к Рот-

¹²³ Из записей Ротштейна о переговорах с американскими банкирами: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1734, л. 49.

штейну с просьбой содействовать достижению контакта между его компанией и Русско-Китайским банком, и в этом, по-видимому, смог заручиться поддержкой Нэйшнл сити бэнк.¹²⁴

Хотя заключенное между русскими и американскими банками соглашение формально касалось лишь сферы банковских операций и переговоры о его реализации шли по банковским каналам, обе стороны показали, что их действия в той или иной мере согласованы или связаны с политической правительств. На это довольно определенно намекал Флинт, это же видно и из переписки Ротштейна с Перкинсом и Стиллменом. Ротштейн продемонстрировал американской стороне свою связь с царским правительством регулярными сообщениями о беседах с Витте по поводу хода банковских переговоров, а Перкинс и Стиллмен — неоднократно свидетельствами их влияния на политику правительства США. При этом важно отметить, что если Ротштейн в данном случае выступал главным образом в роли посредника царского правительства, хотя отнюдь и не пассивного, то позиция Перкинса и Стиллмена носила несравненно более инициативный характер, что являлось показателем значительно более ушедшего вперед в США по сравнению с Россией характерного для эпохи империализма процесса сращивания государственного аппарата с монополиями. Известно, что президент США Мак Кинли, как и многие члены его кабинета, были поставлены у руля государственной власти волею рокфеллеровской группировки через посредство всемогущего босса республиканской партии Маркуса Алонзо Ханна, который, по выражению американского публициста и историка Ландберга, выступал в роли «чрезвычайного комиссара Джона Д. Рокфеллера» и «стал политическим зодчим новой эры», связанной с подчинением государственного аппарата банковскому капиталу.¹²⁵ Когда в ходе шедших в то время русско-американских торговых переговоров (в результате которых, кстати сказать, США рассчитывали получить равные с другими державами возможности торговли на русском рынке и в особенности в Сибири)¹²⁶ у русской стороны возникла потребность воздействия на правительство Соединенных Штатов в интересах снижения тарифов на ввоз русских товаров в Америку, Министерство финансов обратилось через своего агента в Вашингтоне Рутковского к Перкинсу и президенту «Нью-Йорк лайф» Мак Коллу,

¹²⁴ Флинт — Ротштейну 26 июня/9 июля 1900 г.; Люмис — Ротштейну 10/23 октября 1901 г.: там же, д. 1027, лл. 2—3; д. 434, л. 77.

¹²⁵ Ф. Ландберг, ук. соч., стр. 61.

¹²⁶ Это видно из американских поправок к русскому проекту торговой конвенции 1900 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 4, д. 538, л. 8.

а те в свою очередь — к М. А. Ханне и Мак Кинли.¹²⁷ Вполне закономерно в этой связи и то, что осенью 1900 г., накануне президентских выборов в США, Перкинс и Стиллмен в переписке с Ротштейном подчеркивали непосредственную заинтересованность в исходе выборов и связывали их возможный исход с перспективой финансовых операций на нью-йоркской бирже. Перкинс отмечал, что «в ожидании президентских выборов» в финансовых кругах наступило затишье, но что он «предвидит» «сильное оживление сразу же после выборов, так как представляется весьма вероятным, что Мак Кинли и республиканская партия одержат успех».¹²⁸ Одновременно с этим и Стиллмен подчеркивал, что «надеется», что «после всеобщих выборов» «условия будут таковы, что мы сможем сделать с вами большой бизнес».¹²⁹ Когда же выборы окончились и Мак Кинли снова стал президентом США, Перкинс, не скрывая своего торжества, писал Ротштейну о том, что выборы прошли с «полным успехом» и что теперь деловой мир готовится «использовать любые возможности, которые возникнут в какой бы то ни было части земного шара для выгодных операций с облигациями».¹³⁰ Что же касается Стиллмена, то он придавал победе Мак Кинли настолько большое значение, что сразу, как только стало известно об исходе выборов, отправил Ротштейну телеграмму, состоящую всего из двух слов: «Мак Кинли

¹²⁷ См.: Перкинс — Рутковскому 6/19 апреля 1900 г.; Мак Колл — Рутковскому 4 мая (н. ст.) 1900 г.; Рутковский — Ковалевскому 10/23 мая 1900 г.: там же, ф. 20, оп. 6, д. 996, лл. 176—177, 190—192. В результате указанного обращения Мак Кинли и Ханна обещали удовлетворить пожелания русской стороны о снижении тарифов. Однако в дальнейшем это обещание реализовано не было. Когда в ответ на это царское правительство ввело более высокие пошлины на американские товары, Ротштейн писал Перкинсу, что надеется, что эта «случайная размолвка будет вскоре устранена», а Перкинс, в свою очередь, снова обратился в правительство и получил заверение, что это дело «очень скоро будет удовлетворительно улажено» (телеграммы Ротштейна — Перкинсу 5/18 февраля 1901 г.; Перкинса — Ротштейну 9/22 февраля 1901 г.: там же, ф. 626, оп. 1, д. 486, лл. 199—200). Вопрос этот, однако, так и не получил своего решения. Политика «открытых дверей» отнюдь не предполагала «открывать двери» американского рынка для иностранной продукции. Наоборот, одновременно с требованием «открытых дверей» на зарубежных рынках США проводили политику «закрытых дверей» у себя дома. К тому же снижение тарифов на русские товары стало невозможным из-за наметившегося вскоре ухудшения русско-американских отношений.

¹²⁸ Перкинс — Ротштейну 12/25 сентября 1900 г.: там же, л. 158.

¹²⁹ Стиллмен — Ротштейну 13/26 сентября 1900 г.: там же, д. 434, л. 39.

¹³⁰ Перкинс — Ротштейну 2/15 ноября 1900 г.: там же, д. 486, л. 169. Позднее, весной 1901 г., Перкинс писал: «Наши национальные выборы за спиной и весь наш деловой мир вступил в новую жизнь» (Перкинс — Ротштейну 22 марта/4 апреля 1901 г.: там же, л. 214).

избран».¹³¹ И показательно, что в ближайшие после выборов дни Нэйшнл сити бэнк выступил с новым проектом — предоставления займа Китаю под уплату контрибуции, которую державы намеревались получить с него после окончательной расправы с народным восстанием. В этом вопросе американские банки рассчитывали опереться на Россию, и с этой целью Стиллмен обратился к Ротштейну, предложив ему совместное участие в займе.¹³² Между тем переговоры о таком займе с представителями Китая американцы уже начали самостоятельно,¹³³ и в дальнейшем, хотя Нэйшнл сити бэнк делал видимость стремления сотрудничать с Россией, американская сторона настойчиво добивалась самостоятельного займа. США стремились закрепить за собой инициативу, и в январе 1901 г. американское правительство предложило созвать в Вашингтоне конференцию, чтобы решить вопрос о контрибуции и торговых договорах,¹³⁴ а в марте 1901 г. уже широко распространился слух о попытках «некоей [американской] банковской фирмы предоставить необходимые Китаю займовые фонды». Эти попытки были предприняты, по сведениям французского дипломата Камбона, «для того, чтобы получить в свои руки финансовый контроль над этой империей (Китаем, — А. Ф.)».¹³⁵ Такой оборот дела никак не соответствовал интересам царизма. Точка зрения Витте заключалась как раз в обратном. «Заем под покрытие контрибуции, — считал он, — должен быть международным, иначе держава, предоставляющая заем, будет навязывать Китаю свою волю».¹³⁶ Для самой России такого рода заем был абсолютно нереальным, а уступать его кому бы то ни было, в том числе и американцам, с точки зрения интересов царизма не имело никакого смысла.

В соответствии с этим и Ротштейн с самого начала дал понять Стиллмену об отрицательном отношении к американскому проекту. Еще в ноябре 1900 г., получив сообщение Покотилова о самостоятельных американских попытках достигнуть соглашения с Китаем, Ротштейн переслал это сообщение Нэйшнл сити

¹³¹ Стиллмен — Ротштейну 25 октября/7 ноября 1900 г.: там же, д. 434, л. 46. В ответ на это сообщение Ротштейн телеграфировал поздравление: «Примите мои сердечные поздравления в связи с этим», — писал он (Ротштейн — Стиллмену 25 октября/7 ноября 1900 г.: там же, л. 45).

¹³² Стиллмен — Ротштейну 8/21 ноября 1900 г.: там же, л. 56.

¹³³ См.: Покотилов — Ротштейну 14/27 ноября 1900 г.: там же, д. 397.

¹³⁴ Делькассе — Пишону 11 января (н. ст.) 1900 г.: Documents Diplomatiques Français, ser. II, t. I. Paris, 1931, стр. 24.

¹³⁵ Камбон — Делькассе 18 марта 1901 г.: там же, стр. 186.

¹³⁶ Витте — Покотилову (без даты): ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 29, д. 68, л. 131.

бэнк, а также уведомил Стиллмена о соответствующем запросе Ли Хун-чжану, в ответ на который китайский канцлер заверил Россию в том, что никаких переговоров о займе с Соединенными Штатами Китай вести не намерен.¹³⁷ В дальнейшем в связи с провалом попытки получить в Америке заем, о котором Ротштейн договорился с Морганом во время своей поездки в Нью-Йорк, о поддержке Россией американского проекта и вовсе не могло быть речи. Сообщая в конце ноября 1900 г. о своем отказе предоставить России заем, Морган давал понять царскому правительству, что никакие сделки на американской бирже не могут иметь места до тех пор, пока Россия не пойдет на уступки американцам в китайском вопросе.¹³⁸ Между тем Витте отнюдь не собирался делать американцам какие бы то ни было уступки, тем более, что в целом интерес к американскому денежному рынку заметно упал в связи с поступившим еще летом 1900 г., вскоре после возвращения Ротштейна из США, предложения французских банкиров предоставить заем России.

Что же касается достигнутого в Нью-Йорке соглашения о совместных торговых операциях в России и Китае, то уже в ходе ближайшей после его заключения переписки стало ясно, что одной из важнейших практических задач этого соглашения было стремление обеспечить успех «Стандард ойл» на Дальнем Востоке, положение которой в этом районе было крайне тяжелым как ввиду конкуренции с русскими фирмами, так в особенности и ввиду соперничества с нефтяными компаниями Нидерландской Индии, обладавшими исключительно высокой конкурентоспособностью. Из перечня фирм, которые должны были, по представлению Стиллмена, оформлять свои торговые операции через Шанхайское отделение Русско-Китайского банка, видно, что около половины объема всех проектируемых операций падало на «Стандард ойл» и на компании, занимавшиеся торговлей американского керосина.¹³⁹ Знаменательным было и то, что вскоре после заключения русско-американского соглашения была предпринята попытка получить разрешение царского правительства на сооружение резервуаров для хранения нефтепродуктов в портах Маньчжурии и Сибири, а также вдоль

¹³⁷ Ротштейн — Стиллмену 13/26 ноября и 14/27 ноября 1900 г. там же, ф. 626, оп. 1, д. 434, лл. 54—55

¹³⁸ По нашему мнению, — писал Морган, — будет абсолютно невозможно что-либо предпринять до тех пор, пока китайский вопрос не получит удовлетворительного решения» (Морган — Ротштейну 15/28 ноября 1900 г.: там же, ф. 560, оп. 28, д. 50, л. 66).

¹³⁹ Стиллмен — Ротштейну 19 июля/1 августа 1900 г.: там же, лл. 27—28.

КВЖД и части Сибирской дороги. Попытка эта была предпринята через отправившегося в начале 1901 г. в США управляющего Пароходством КВЖД Бостельмана, который, по его словам, «имел случай» «попасть» в круг лиц, имеющих большое значение в торгово-промышленном мире Соединенных Штатов, и был поражен интересом, «который они проявляют к развитию своих дел на восточной окраине Азиатского материка».¹⁴⁰ Американский капитал выступал с проектом, который ставил своей задачей сооружение указанных резервуаров, обязуясь при этом сливать в эти резервуары только русский керосин. Кроме того, американский проект предусматривал организацию пароходной линии между черноморскими портами и Дальним Востоком, с обязательством, что суда этой линии будут ходить под русским флагом, хотя их команду и предполагалось набирать из китайцев, в расчете на почти даровую рабочую силу, которой изобилует Китай.¹⁴¹ Указанный проект, как и заем Владикавказской железной дороге, несомненно связан был с поставленной американским капиталом задачей «участвовать в русской промышленности». Его цель заключалась в том, чтобы, с одной стороны, захватить в свои руки сооружение нефтяных резервуаров на важнейших железнодорожных коммуникациях России и, таким образом, лишить этой возможности русские нефтепромышленные фирмы, уже приступившие к строительству таких резервуаров вдоль Сибирской дороги, а с другой стороны, перехватить у английского капитала транспортировку русской нефти. Этот проект имел тем большее значение, что американский капитал не оставлял своего намерения скупить нефтяные промыслы в Баку, и в январе 1902 г. представители «Стандард ойл» обратились через посредство финансового агента России в Вашингтоне Рутковского с соответствующим ходатайством к русскому правительству. 11 января (н. ст.) Рутковский сообщил об этом в Петербург, а несколькими днями позже эта тема снова стала предметом его внимания, на этот раз в результате обращения Стиллмена. Последний сообщил Рутковскому о том, что идут переговоры о предоставлении займа в 25 млн долл. Японии, и недвусмысленно намекнул, что если русское правительство откажет американцам в продаже нефтяных площадей, Рокфеллеры предоставят денежный заем Японии, средства которого должны были пойти на враждебные России цели. «Гг. Рокфеллеры, — сообщил Рутковский, — обещали взять на 12¹/₂ млн, как говорил мне г. Стиллмен, вследствие того обстоя-

¹⁴⁰ Бостельман — Конкевичу 23 июня/6 июля 1901 г.: там же, ф. 323, оп. 1, д. 1135, л. 27.

¹⁴¹ Там же, лл. 27—28.

тельства, что японское правительство благосклонно отнеслось к открытию операций Стандарта в Японии».¹⁴²

Небезынтересно, что одновременно с этим к Рутковскому обратился Перкинс. И он решил сыграть на японском займе: отметив отрицательное отношение к займу фирмы Моргана, в состав которой Перкинс к этому времени вступил, он запросил: не согласится ли царское правительство «возобновить переговоры относительно размещения китайских бонов в Америке»? Все это, и в особенности обращение Стиллмена, очень похоже было на ультиматум, и поэтому, не получив ответа на свои письма, Рутковский запросил Петербург телеграфом: «... что я должен ответить компании Стандарт по поводу предложения, изложенного в донесении 1 января. Ответ облегчит мне противодействие объявленному здесь японскому займу...»¹⁴³ Это же еще более определенно подчеркнул Рутковский и в почти одновременно отправленном письме Витте, в котором указывал, что предоставлению займа Японии «можно было бы помешать, если бы я мог сообщить им (Рокфеллерам, — А. Ф.) благоприятный ответ вашего высокопревосходительства относительно их ходатайства о допущении операций Стандарта в России для добычания, очистки и транспортировки нефти... В последнем случае я имел бы основание советовать не брать японские боны, назначение которых — получить средства для войны против России».¹⁴⁴

Получив сообщение Рутковского, Витте решил выждать и сначала ничего не ответил. Когда же пришел второй запрос, он телеграфировал в Нью-Йорк, что пока не может «дать никакого ответа относительно Стандарта».¹⁴⁵ Аналогично несколькими днями раньше Витте ответил и на запрос Перкинса. «Я пока не имею в виду реализовать китайские боны», — гласила его телеграмма Рутковскому.¹⁴⁶ Таким образом, не желая обострять отношений с американскими финансистами, Витте уклонился от прямого ответа. По существу же уклончивый ответ Витте представлял собою не что иное, как отказ. Царское правительство по-прежнему отрицательно относилось к попыткам проникновения американского капитала в нефтяную промышленность, и это обрекло попытку «Стандард ойл» на неудачу. Между тем

¹⁴² Рутковский — Витте 13/26 января 1902 г.: там же, ф. 560, оп. 22, д. 249, лл. 136—137.

¹⁴³ Копия телеграммы Рутковского из Вашингтона (без даты, получена 10/23 февраля 1902 г.): там же, л. 151.

¹⁴⁴ Рутковский — Витте 12/25 февраля 1902 г.: там же, л. 156.

¹⁴⁵ Витте — Рутковскому 27 февраля/12 марта 1902 г.: там же, ф. 560, оп. 22, д. 249, л. 58.

¹⁴⁶ Витте — Рутковскому 11/24 февраля 1902 г.: там же, л. 152.

представители американской школы истории бизнеса, Р. и М. Хайди, объясняя причины указанного исхода, стремятся доказать, что американская монополия сама добровольно отказалась от скупки нефтяных площадей в Баку, и называют в качестве мотива этого отказа то обстоятельство, что «капиталовложения в России были связаны с риском и что более привлекательны другие поприща».¹⁴⁷ Утверждение Хайди противоречит фактам, и это тем более важно подчеркнуть, что своей постановкой данного вопроса, как, впрочем, и при рассмотрении ряда других, они идеализируют и искажают действительную картину политики монополистического капитала США.

Царизм отклонил притязания «Стандард-ойл» на бакинскую нефть прежде всего потому, что экспансия американского капитала противоречила интересам русских монополий и тех кругов иностранного капитала, которые к рассматриваемому времени прочно захватили в свои руки нефтяную промышленность России и с интересами которых царское правительство не могло не считаться. В этом же, по-видимому, коренилась и причина неудач, постигших другие американские попытки внедриться в экономику России, в том числе и провал проекта, переданного через Бостельмана, и последовавший через год с лишним разрыв переговоров с Флинтом. Хотя заключенное Ротштейном в Нью-Йорке соглашение с Нэйшнл сити бэнк оставалось в силе и в дальнейшем нашло практическое применение, действительное значение этого соглашения оказалось гораздо скромнее тех расчетов, которые возлагала на него американская сторона. Мы располагаем лишь очень незначительной документацией по данному вопросу, однако и тот открывочный материал, который сохранился, позволяет говорить о том, что сфера применения соглашения о совместных торговых операциях в России и Китае на практике оказалась весьма и весьма ограниченной. Шанхайское отделение Русско-Китайского банка взяло на себя в очень небольших масштабах проведение американских экспортных операций и, как можно судить по имеющейся документации, вовсе не участвовало в операциях по торговле нефтью. По-видимому, даже и в таком ограниченном применении американская сторона была немало заинтересована, и вполне вероятно, что именно эта заинтересованность оказалась одной из причин того, что, несмотря на предъявленный ультиматум, предоставление займа Японии в это время не состоялось. В целом же следует подчеркнуть, что стремление американского капитала расширить условия для экспансии США в России и Китае в указанные годы путем соглашения с русскими монополиями, а также по-

¹⁴⁷ R. and M. Hidy, ук. соч., стр. 510.

пытки получить в этом отношении поддержку со стороны царского правительства не дали желаемого результата. Это, естественно, не могло не отразиться и на политических отношениях между двумя сторонами.

Хотя попытка Японии заключить в 1901—1902 гг. денежный заем в Америке оказалась неудачной, в дальнейшем через посредство близкой Рокфеллерам банкирской фирмы «Кун, Леб энд компани» («Kuhn, Loueb and Co.») японское правительство разместило на американской бирже ряд займов, пошедших на финансирование войны против России.¹⁴⁸ А наметившееся еще в конце 90-х годов сближение между США, Англией и Японией получило дальнейшее развитие, и на почве совместных действий против России был создан своеобразный англо-американо-японский блок на Дальнем Востоке.¹⁴⁹

¹⁴⁸ Б. А. Романов, Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907. Изд. 2-е, М.—Л., 1955, стр. 653; А. Д. Ноуев, ук. соч., стр. 391—392; Л. Корей, ук. соч., стр. 239.

¹⁴⁹ Б. А. Романов, ук. соч., стр. 167—168, 196; Международные отношения на Дальнем Востоке, 1840—1949. Под общ. ред. Е. М. Жукова, М., 1956, стр. 185—190.